

ЧЕТВЕРТОЕ БЕЗМОЛВИЕ

II

НЕПОГАШЕННЫЕ ИМЕНА

КРИСТИНА КЛЕЙТОН

Кристина Клейтон

**Четвёртое Безмолвие:
Непогашенные имена**

«Автор»

2026

Клейтон К.

Четвёртое Безмолвие: Непогашенные имена / К. Клейтон —
«Автор», 2026

Синхрон повержен. Изумрудная сеть, подчинившая тысячи судеб единой воле, разрушена. Люди вновь учатся выбирать — и ошибаться. Но в глубинах Срединных Чертогов пробуждается сила, страшнее прежней власти. Она не угрожает и не требует покорности. Она обещает милосердие: жизнь без боли, утрат и сожалений. Достаточно отказаться от права на собственный выбор. Когда-то Иллан был переписчиком в угасающем Элирионе. Найденный им Свиток Безмолвия изменил его судьбу и связал с воительницей Аэлитой и незрячим Торном. Теперь их путь ведёт туда, где камень хранит забытые имена, а самые заветные желания становятся ловушками. Иллану предстоит узнать самое страшное: древняя сила видит в нём не врага. Она узнаёт своего. Что останется от человека, если стереть всё, что делает его живым? Начало пути — в первой книге цикла «Четвертое Безмолвие», романе «Ткань несказанного».

© Клейтон К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Дыхание глубины	5
ГЛАВА 1. После Изумрудной Бури	8
ГЛАВА 2. Город, где больше некому приказывать	23
ГЛАВА 3. Монастырь Непогашенных Имен	38
ГЛА	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Четвёртое Безмолвие: Непогашенные имена

Пролог. Дыхание глубины

Мир был освобождён.

Так говорили бы летописи, если бы летописи умели лгать красиво.

Синхрон пал. Изумрудная сеть, столько времени удерживавшая чужие дыхания в одном холодном согласии, распалась в глубинах мира. Там, где прежде всё живое подчинялось единому ритму, осталась тишина — огромная, чужая; освобождённые ещё не умели отличить её от новой угрозы.

Небо над освобождёнными землями стало выше. Ветер проходил сквозь опустевшие проломы; зелёные прожилки в камне тускнели, больше не отзываясь на приказ.

Но под этой свободой, глубже городов и корней, древних вод и каменных жил, уцелело нечто, чему падение Синхрона не причинило вреда.

Оно услышало не торжествующие голоса наверху, не плач тех, кто искал своих близких, и даже не первые неуверенные молитвы освобождённых.

Изначальную Ноту.

Она прошла сквозь треснувшую ткань мира не как голос и не как сила, направленная чьей-то рукой. В её звучании не было высоты или расстояния. Она текла по скрытым жилам бытия, где камень хранит память о первом своём затвердевании, вода — о первом движении, а тьма — о мгновении, когда в ней стало возможным ждать света.

Нота никого не звала и не требовала ответа. Она была — и этого оказалось достаточно, чтобы древняя неподвижность впервые различила чужое присутствие.

Далеко внизу, за слоями, которым люди не дали имён, лежала белая неподвижность.

Она не спала: сон принадлежит живым. Не бодрствовала: бодрствование знает усталость. Она ожидала, как веками ждёт лезвие в темноте, — без нетерпения, без гнева, без времени.

Вокруг не было ни трона, ни стражи, ни знамён. Трон нужен тому, кто доказывает власть; стража — тому, кто боится вторжения; знамёна — тому, кто хочет быть увиденным.

Белая неподвижность ничего не желала. Ей было достаточно знать, как должно быть устроено всё остальное.

Когда Изначальная Нота коснулась самых нижних жил мира, по белизне прошла едва заметная перемена. Не движение и не пробуждение: в безупречной тишине возникло сопротивление, которое нельзя было устранить одним лишь знанием правильного ответа.

Сначала в белизне проступило лицо — гладкое, почти прекрасное, без возраста, страха и следов прожитых лет.

За ним возникли второе и третье; вскоре их стало столько, что белая глубина напоминала неподвижное скопление мёртвых лун под зимним льдом. Ни злобы, ни доброты в этих лицах не было. Их чистота делала живое лицо — с морщиной, слезой, неловкой улыбкой — похожим на неоконченную работу.

Лицо ребёнка, не знавшего плача; матери, не пережившей утрату; судьи, не знавшего сомнения; святого, никогда не испытывавшего жалости. И наконец — лицо человека, исправленного до такой ясности, что некому было страдать.

Лица втянулись обратно в белую глубину. На их месте открылись глаза — не два, а множество, и каждый зрачок был обращён к одной точке далеко наверху.

Они не обшаривали темноту в поисках добычи. Все смотрели туда, где над руинами зелёной власти стоял человек, в чьей крови звучала Изначальная Нота.

Он отказался стать новым властителем, прошёл через страх, не сделав его своим оружием, и сумел разрушить общий ритм. Теперь именно он мог оказаться ключом к другому порядку — ещё более чистому и потому куда менее терпимому к живому.

Белая глубина не произнесла его имени. Ей не нужны были слова, но по нижним жилам мира уже прошло узнавание — едва осязаемое, как дыхание под толщей льда.

Иллан.

Не враг. Не царь. Не жертва. Носитель.

За этим именем глубина различала не человека с собственной памятью, а возможность: форму, которую можно довести до конца, не спрашивая её согласия. Его боль была не свидетельством прожитого, а шероховатостью материала. Её следовало устранить ради милости, как её понимала глубина.

Тогда внизу возник шёпот. Он не поднялся к поверхности и не затронул ничьего слуха; он проникал в породу, как мороз входит в камень, заполняя невидимые трещины.

Ровнее.

Белая тишина сомкнулась вокруг этой мысли плотнее, не поглотив её до конца.

Тише.

В ответ на далёкую дрожь каменных пластов подземные жилы вытянулись в единую, безукоризненно прямую линию.

Вернее.

Там, где Нота прошла живой трещиной сквозь древний порядок, неподвижность впервые начала строить ответ. Она не торопилась: всё несовершенное само выдаст себя, если слушать достаточно долго.

Свобода мешала единому порядку: каждый выбирал своё. Имя оставляло за человеком право отличаться от других. Любовь не подчинялась расчёту, боль требовала, чтобы её выслушали, а не исправляли. Для белой глубины всё это было знаком незавершённости.

Шёпот вернулся уже не словом — законом, который ещё не вступил в силу, но начал искать себе исполнителя.

Неровное просит руки.

На мгновение замерли даже древние течения подземного жара.

Недописанное просит конца.

В пустотах между пластами распространился белый свет, ещё не видимый на поверхности.

Живое просит исправления.

Под освобождённым миром началось дыхание существа, не желавшего ни убийств, ни мести, ни власти. Всё это принадлежало прежней грубой тьме: насилие оставляло свидетелей, месть — память об обиде, власть — тех, кто мог ей противиться. Белая глубина замыслила окончательное исправление.

Нет, она желала милости. Чистой, без дрожи сердца. Окончательной — такой, при которой больше не придётся спрашивать спасённого, хочет ли он спасения.

Ей виделся мир без ошибок, без имён, способных спорить с общим порядком, без боли, которой позволено возражать правде. И без свободы: свобода могла ранить, а рану нельзя было допустить вновь.

Внизу, куда ещё не доходил человеческий шаг, белая глубина сложила свой первый обет. Он не был произнесён вслух, однако камень принял его так, как принимает медленное давление огромной толщи:

До конца.

До последней трещины.

До последнего имени.

До той тишины, где больше никому будет страдать.

Потому что большие некому будет быть живым.

ГЛАВА 1. После Изумрудной Бури

Изумрудная Буря пала, но не сразу ушла из мира.

В восточных пустошах она ещё напоминала о себе горьким, металлическим привкусом: такой остаётся от сильного лекарства после того, как болезнь отступила, но тело ещё не научилось доверять выздоровлению. Над развалинами Синхрона раскинулось небо без гексагональной сети. Между обломками сот ветер впервые проходил беспрепятственно; пепел взлетал из трещин, оседал на коже и не складывался вновь в приказ. Простор обрушился на освобождённых слишком внезапно. Они дышали осторожно, как люди, которых извлекли из-под завала и которым пока больно наполнять лёгкие.

По чёрным уступам бывшего Улья бродили люди. Под ногами хрустели мёртвые кристаллические рёбра; зелёная пыль приставала к влажным ладоням. Один мужчина долго поворачивал руку к свету, разглядывая шрамы на пальцах, словно проверял, принадлежат ли они ему. Женщина рядом касалась щёк и висков, нащупывая знакомые черты. Другие сидели возле разломов, прижимая колени к груди, и не решались заговорить с теми, с кем ещё недавно делили одно сознание. Никто не подсказывал им, куда смотреть, когда вставать, какое имя считать своим.

Потом среди развалин поднялся звук.

Аэлита сперва приняла его за ветер, застрявший в треснувших сотах. Но в неровном, срывающемся звуке различились отдельные голоса. Люди пробовали произнести короткие слова, ещё не зная, выдержит ли горло собственную волю; у некоторых звук обрывался раньше, чем удавалось договорить.

— Я помню...

— Я дышу...

— Моё имя... моё...

Голоса не совпадали. Один человек выговаривал слоги сквозь хрип, другой повторял их с детской настойчивостью. Где-то внизу женщина звала по имени — сперва вопросительно, затем почти сердито, словно проверяла, почему никто не отвечает. Из распавшегося хора рождались отдельные голоса; каждый звучал с усилием, но каждый принадлежал тому, кто говорил.

Аэлита ожидала крика радости и не услышала его. Даже те, кто поднимал лица к чистому небу, шурились и сразу опускали глаза. Один из освобождённых плакал беззвучно, растирая по щекам зелёную пыль. После долгого молчания первым возвращался не восторг, а страх перед следующим собственным словом.

В пыли оставались следы тех, кто не поднялся после падения Улья: примятый плащ, сложенная застёжка, маленький башмак, оставшийся у основания соты. Освобождённые обходили эти вещи, иногда задерживались и смотрели, не узнавая владельца. Их победа уже имела цену, которую нельзя было разделить поровну, — и никто не знал, кому теперь позволено назвать её справедливой.

Аэлита шла между людьми с рукой у меча. Привычка опережала мысль: она отмечала трещины под ногами, движение за плечом, расстояние до ближайшего укрытия. Но ни один из этих расчётов не помогал женщине, стоявшей перед ней и пытавшейся вспомнить собственное имя. Аэлита разжала пальцы; рукоять оставила на ладони глубокую красную полосу.

Ей впервые стало ясно, что опасность не всегда приходит с оружием. Иногда она начинается там, где некому ответить за тебя.

На краю уступчатой площадки она остановилась и взглянула вниз. Между мёртвыми сотами всё чаще открывался природный базальт — тёмный, оплавленный, со свежими сколами там, где держалась кристаллическая сеть. Из провалов поднимался сухой жар; он пах озоном, золой и металлом. Снизу доносились отдельные удары, настолько отдалённые, что определить

их источник было невозможно. Под развалинами оставалось нечто, чего победа даже не коснулась.

Торн поднялся к ней, ставя посох чуть наискось: треснувшее древко плохо держало вес на гладком камне. После крушения Улья он чаще проверял опору прежде, чем сделать шаг. Выжженные глазницы были обращены к разлому; старец прислушивался к тому, что шло из-под породы, и Аэлита заметила, как крепко он сжимает навершие.

— Посмотри на них, — сказала Аэлита. — Они получили свободу и теперь боятся пошевелиться. Кто их отсюда выведет?

— Мы разрушили то, что удерживало их, — ответил Торн. Голос после напряжения в Улье звучал сухо. — Но мы не можем прожить за них первые дни. И не можем оставить им ещё одну цепь только потому, что она удобнее свободы.

Под опавшей зелёной аркой молодой человек в рваной тунике вдруг вскрикнул и упал на колени, зажав уши ладонями. Он тяжело дышал и мотал головой; возможно, собственные мысли впервые за долгие годы звучали для него отдельно от великого хора.

Женщина рядом потянулась к нему, но остановилась: сама дрожала так сильно, что едва удерживала равновесие. Губы её несколько раз сложились в один и тот же звук, прежде чем он стал слышен:

— Найра... Найра... Найра...

Первое «Найра» едва отделилось от выдоха. Второе прозвучало отчётливее. На третьем женщина прижала ладонь к груди — так, будто имя наконец указывало на неё, а не на кого-то далёкого.

Она поспешно закрыла рот, испугавшись силы собственного голоса.

Аэлита отвела глаза не от чужих слёз — она видела и более страшные раны. Ей было тяжело стоять с мечом среди людей, которым не требовалось спасения клинком. Они учились заново просить, отказывать, помнить друг друга. В этой работе ей нечем было помочь, кроме присутствия, и от этого она чувствовала себя неловкой, почти лишней.

Позади чуть звякнул камешек. Остальных шагов Аэлита почти не услышала. Посох Торна цеплял плиту при каждом повороте, её собственный ремень отзывался сухим скрипом; у освобождённых сбивалось дыхание. Тот, кто подошёл теперь, двигался без спешки и почти не задевал осколки под ногами. Она узнала его раньше, чем обернулась.

Иллан вышел из сапфирной полутени у подножия Восточного Шпиля и остановился рядом.

Он не походил на героя, вернувшегося с победой. Плащ, покрытый серой пылью и надрезами дороги, тянул плечи вниз. Кожа на лице была бледной, скулы — резкими; он стоял так спокойно, что на фоне шатавшихся освобождённых казался неподвижной фигурой из другого времени. Но больше всего Аэлилу смутили глаза. Прежде в них хотя бы на мгновение отражалось чужое страдание. Теперь взгляд задерживался на людях с пугающей точностью, словно выбирал, какой надлом окажется опаснее для всего сооружения.

Он проследил, как мужчина возле арки попытался подняться и снова сел, не найдя опоры. Взгляд Иллана скользнул к соседнему уступу, затем к разлому — будто он уже рассчитывал, сколько людей сумеет пройти через разрушенные галереи прежде, чем они обрушатся.

— Нам нельзя здесь оставаться, — сказал он.

Он произнёс это без нажима, как сообщение о том, что дорога за спиной разрушена.

Аэлита проследила за его взглядом. Иллан говорил об уходе, но смотрел не на выход из Улья: его внимание всё время возвращалось к тёмным провалам под разрушенной сетью. Торн тоже повернул туда лицо. На его посохе задрожала осколочная кромка металла; в этом движении старец, должно быть, услышал то, чего она пока не различала.

— Они только начали говорить собственными голосами, — сказала Аэлита. — Ты предлагаешь сейчас их оставить?

— Именно сейчас, — ответил Иллан. — Они уже ищут того, кто станет принимать решения вместо них. Если мы останемся, они назовут это благодарностью. Через день — порядком. А потом потребуют, чтобы мы не позволяли им ошибаться.

Торн долго молчал. Потом склонил голову.

— Он не ошибается в главном, — сказал Торн. — После долгого подчинения человек ищет знакомую опору даже там, где она причиняла ему боль. Мы можем показать выход из Улья. Но нельзя назначить им, кем они станут за его стенами.

Аэлита посмотрела вниз. Молодой человек возле арки уже поднялся, однако всё ещё держал ладони у ушей. Иллан был прав: никакая из этих жизней не выдержала бы ещё одного чужого приказа. Но Аэлита помнила, как он раньше остановился бы рядом, помог подняться, спросил имя. Сейчас он видел всю опасность сразу — и, казалось, переставал различать тех, ради кого её предотвращал.

— Куда? — спросила она.

Иллан посмотрел за Восточный Шпиль, туда, где очищенное небо упиралось в неровный каменный горизонт. Издали казалось, что порода там обломана, но тёмные уступы не уходили к вершинам: они проваливались один под другой, открывая путь в недра.

— Ниже, — сказал он наконец. — Сюда снизу шёл основной перекося. Синхрон был лишь внешней оболочкой. Корень — глубже.

На последнем слове где-то под разрушенным Ульем прошёл глухой толчок.

Это был не обвал: камень под подошвами едва качнулся и снова замер, точно удар пришёл из глубины по длинной пустой трубе.

Зелёная пыль на мёртвых сотах едва заметно дрогнула. Несколько освобождённых внизу подняли головы, но никто не понял, почему вдруг стало тише.

На последних словах Иллана Аэлита ощутила толчок под ступнями. Совпадение могло быть случайным, но Торн крепче перехватил посох, и никто из них не захотел произнести это вслух.

Ветер принёс с уступов мелкую золу и сухой жар. Сапфировое свечение Шпиля осталось за спинами; впереди, в разломе, воздух темнел от пыли. Торн подался к пролому, словно проверял слухом глубину, и Аэлита заметила, что он перестал опираться на посох всей тяжестью: старец готовился к движению. Победа оставила им не конец пути, а дорогу, которую ещё не нанесла ни одна карта.

Иллан первым двинулся прочь от развалин. Аэлита задержалась, оглядывая людей, учившихся произносить собственные имена, и вдруг вспомнила, с какой готовностью ещё недавно шла за ним в Улей. Теперь ей придётся идти рядом не только ради спасения других. Если глупина изменит его окончательно, кто-то должен оказаться достаточно близко, чтобы это заметить — и успеть вмешаться. Она пошла следом, не отводя руки от меча.

Они ещё не покинули галерею, когда сзади переменились голоса. Люди больше не только повторяли имена: в разрозненных просьбах появился общий адресат. Один голос всё ещё дрожал от радости узнавания, но другой уже искал того, кто скажет, что делать дальше.

— Я есть...

— Я помню...

— Не дай нам снова уснуть...

— Не дай нам ошибиться...

— Скажи, куда идти...

Слова звучали с разных уступов, не сливаясь в общий хор. И всё-таки направление у них было одно: люди обращались к Иллану, ожидая не объяснения, а разрешения жить дальше.

Аэлита узнала это ожидание по едва заметной перемене в лицах. С тем же напряжением когда-то смотрели на приказ перед атакой: приказа ещё не было, но люди уже готовились повиноваться.

Из трещин между сотами и низких нефритовых арок один за другим выходили люди. Они уже не шли в одном ритме: кто-то торопился и спотыкался, кто-то останавливался, чтобы придержать соседа. Но все направлялись к Братству. В первые минуты свободы им хотелось снова оказаться рядом с тем, кто знает дорогу, и это желание было опаснее любого приказа, потому что теперь принадлежало им самим.

Высокий мужчина в ржавых доспехах шёл, прихрамывая на левую ногу; в ткань его нагрудника были впаяны узоры Улья. Позади женщина держала девочку лет пяти, так крепко прижав её к себе, что ребёнок не мог повернуть голову. Девочка всё-таки высвободила руку и дотронулась до зелёного обломка в стене. Мать поспешно отняла её пальцы, испугавшись даже этого самостоятельного движения.

Аэлита заметила, как люди ищут глазами Иллана раньше, чем осматривают треснувший пол у себя под ногами. Им нужен был не только спаситель. Им хотелось вручить кому-нибудь тяжёлую работу выбора — от первого шага до того дня, когда очередная ошибка потребует ответа.

— Ткач! — раздался наконец хриплый голос.

Мужчина в доспехах остановился шагах в десяти. Он посмотрел сначала на Иллана, потом на Торна, стыдясь собственной просьбы, и всё же опустился на одно колено. За его спиной несколько человек неловко повторили движение; другие, напротив, остались стоять, прижимая руки к бокам.

— Не делай этого, — тихо сказал Торн.

Но мужчина будто не услышал.

— Мы не знаем, что делать завтра, — выговорил мужчина. — Даже сегодня не знаем. Просыпаемся и спрашиваем себя: это я подумал или кто-то во мне? Если мы разойдёмся, кто остановит нас, когда снова захотим чужого приказа? — Он поднял лицо к Илану. — Скажи хотя бы, с чего начать.

От его вопроса по толпе прошёл шорох: люди переступали с ноги на ногу, стараясь оказаться ближе к плите, на которой стоял Иллан.

— Да, скажи.

— Куда идти?

— Как нам не вернуться обратно?

— Кто теперь будет держать порядок?

Никто не угрожал, никто не требовал власти силой. Люди сами склоняли головы, надеясь, что это избавит их от необходимости снова поднимать их по собственному решению.

Голоса по-прежнему отличались друг от друга: хриплые, сорванные, молодые, старческие. Но раз за разом они просили отдать назад три вещи, едва полученные: свободу, выбор и право ошибиться. Аэлита слышала, как эти просьбы становятся всё тише, будто люди стыдились их — и всё-таки не могли остановиться.

Иллан не двинулся. Его взгляд проходил по лицам, по просветам между людьми, по треснувшим стенам позади них. Аэлита знала это выражение: он уже видел, к чему приведёт сегоднешний ответ через неделю, через год. Но женщина с ребёнком стояла прямо перед ним, и Аэлите хотелось, чтобы хотя бы однажды он задержался не на возможном будущем, а на ней самой.

Торн глухо втянул воздух.

— Смотри, — негромко сказал Торн. — Они уже пробуют жить отдельно, а просят нас вновь собрать их в одно. После плена трудно поверить, что собственная рука не обязана слушаться чужой.

Женщина с ребёнком шагнула вперёд.

— Мы не просим чудес, господин, — сказала она. — Только скажи, как не ошибиться.

Аэлита посмотрела на девочку. Та упрямо тянула ладонь из-под руки матери, желая прикоснуться к мёртвому кристаллу, и мать вновь удерживала её. Вот с чего начиналась новая свобода — с этого малого спора, в котором одна боялась ошибки, а другая всё равно хотела попробовать. Иллан видел перед собой сотни таких споров, и Аэлите важно было услышать, что он скажет хотя бы об одном.

Иллан не двинулся.

Торн поднял голову. Между словами женщины и ответом Иллана прошла странная тишина — без голоса, без дыхания. Она возникла так близко к мысли, что Аэлита не сразу поняла: эту фразу не произнёс никто из стоявших на площади.

Правильное не ошибается.

Фраза не прозвучала вслух.

На виске Иллана дрогнула тонкая жила. Он стиснул челюсть, затем разжал её; со стороны это было почти незаметно, но Аэлита помнила его лицо слишком хорошо.

Он сделал один шаг вперёд.

Люди тотчас смолкли.

Он остановился на расколоте плиты, повернувшись так, чтобы его слышали и у дальних арок. Ветер трепал край плаща; в пыль у его ног по-прежнему осыпались мелкие кристаллы. Голос звучал негромко, и людям пришлось стихнуть, чтобы различать каждое слово.

— Я не стану жить за вас, — сказал он.

Никто не пошевелился.

— Я не укажу вам, кого слушаться, и не поставлю над вами новый голос. Вы можете спорить друг с другом. Можете покинуть Улей разными дорогами. Даже если назовёте мои решения ошибочными, это будет ваше право.

Несколько человек переглянулись. Мужчина в доспехах открыл рот, затем закрыл: такого ответа он не предусмотрел.

— Синхрон держал вас вместе не потому, что знал истину, — продолжил Иллан. — Он не оставлял вам возможности возразить. Если я сделаю то же самое под другим именем, мы лишь сменим цвет цепи. Выбирать придётся вам — и тогда, когда окажется, что выбор был неверным.

Мужчина в ржавом доспехе медленно поднялся с колена. Он не выглядел оскорблённым — скорее оглушённым.

— Но если мы ошибёмся?

— Обязательно, — ответил Иллан.

Кто-то тяжело выдохнул. Женщина с ребёнком прижала ладонь к девочкиному затылку; мужчина в доспехах посмотрел вниз, на собственную согнутую ногу.

— Вы будете ошибаться и отвечать за последствия, — сказал Иллан. — Иногда платить придётся дорого. Но каждое решение останется вашим. Никто больше не сможет сказать, что жил вместо вас.

Женщина крепче прижала к себе девочку.

— Это жестоко.

— Да, — сказал Иллан.

Иллан выдержал её взгляд. В этой паузе было не меньше жестокости, чем в коротком ответе: он не обещал утешить тех, кому отказывался приказывать.

Ветер поднял с плиты белёсую пыль. Девочка чихнула, и несколько человек невольно повернули к ней головы — впервые за весь разговор отвлекшись от Иллана.

Аэлита машинально сделала шаг к женщине, но остановилась. От слов Иллана нельзя было заслонить ребёнка, как от стрелы. Она понимала каждое его утверждение и всё же не узнавала того, кто когда-то умел произнести такую правду, сперва убедившись, что её услышат.

Среди пришедших стояла девушка с распущенными тёмными волосами. Она всё время смотрела то на Иллана, то на руку матери, удерживавшей девочку, и, когда разговор затих, решила спросить то, чего остальные не произносили вслух:

— Значит, никто не спасёт нас от нас самих, — прошептала она.

Иллан медленно перевёл на неё взгляд.

— Никто не проживёт вашу жизнь вместо вас, — сказал он. — И я тоже.

После этого никто уже не задавал вопросов.

Но люди не разошлись сразу. Одни стояли с поднятыми головами и впервые осматривали выходы из разрушенного Улья. Другие отвернулись от Иллана с такой обидой, словно он отказал им в помощи. Между ними уже возникала черта: за ней благодарность могла превратиться в ненависть или в поклонение. Аэлита понимала, что ещё один день рядом с Братством закрепит любой из этих исходов.

Они разрушили одну власть. Её место могло оказаться занято уже завтра — и под другим именем.

Торн первым тронулся с места.

— Идём, — сказал Торн. — Пусть они злятся на нас как на людей. Это безопаснее, чем оставить им повод молиться на нас.

По расколотой галерее Братство уходило к спуску. Зелёное свечение сот меркло, зато над площадью всё яснее синел Восточный Шпиль. Позади кто-то позвал девочку по имени; её ответ прозвучал удивительно звонко, и Аэлита, не оборачиваясь, различила его среди сотен голосов.

Аэлита долго шла, не находя слов для разговора. Она вспоминала девочку, пытавшуюся высвободить руку из материнской ладони.

Лишь когда руины отступили, а дорога пошла вниз между обломками тёмного кристалла и древнего базальта, она сказала, не глядя на Иллана:

— Ты был прав.

Он не ответил.

— Но ты говорил с ними, словно их страх — неисправность, которую нужно отметить и оставить позади, — продолжила она. — Ты хотя бы заметил, как девочка пыталась вырваться из рук матери?

Теперь он всё же обернулся.

— Что изменилось бы, скажи я иначе?

Он даже не повысил голоса. От этой невозмутимости Аэлите стало труднее отвечать: спорить с раздражённым Илланом она умела, с таким — всё меньше.

— Для них я не знаю, — ответила Аэлита. — Девочка, может, запомнила бы другое. А для меня это важно. Я хочу понимать, говорю ли ещё с тобой.

Иллан остановился, но повернулся к ней лишь наполовину. В этом недовёрнутом движении она вдруг увидела, как далеко они отстоят друг от друга после победы.

— Если я дам им надежду, что кто-то уберёжёт их от каждой ошибки, они снова начнут искать хозяина, — сказал он. — Не думаю, что вправе это делать.

— Я говорю не о надежде на хозяина, — ответила Аэлита. Она остановилась рядом, удерживая расстояние в один шаг. Иллан ждал; на его лице не появилось ни нетерпения, ни приглашения продолжать.

— Ты мог сказать им правду и всё-таки спросить, кто ранен, кто потерял близкого, кому негде переночевать. Жестокость не делает истину точнее.

От трещины у их ног потянуло сухим жаром. Торн на мгновение приподнял посох, собираясь вмешаться, но затем снова опустил его: спор касался не пути, который он мог указать.

Иллан промолчал. Он рассматривал узкую чёрную полосу в камне у её сапога, словно там находился ответ на другой, более точный вопрос. Аэлита ждала, но его молчание не стало ни уступкой, ни отказом.

Торн остановился у пролома, где галерея переходила в спиральный спуск. Он коснулся базальта посохом, прислушался к ответному гулу и только после этого повернул голову к спутникам.

— Здесь начинается старый ход, — сказал Торн. — До самих Чертогов ещё далеко. Синхрон не спускался сюда, и люди поверхности, насколько я знаю, тоже. Я слышу течение под камнем, но не знаю, кто мог его оставить.

Аэлита подошла ближе.

Из пролома шёл устойчивый жар. Воздух пах сухой пылью и железом, прогретым глубоко внутри породы; сладкий привкус Улья исчез. Где-то за первым изгибом медленно капала вода, и каждый удар капли доносился с неправильной задержкой. Аэлита невольно прислушалась: даже расстояние здесь, казалось, измеряли иначе.

— Ты уверен? — спросила она.

Торн повернул к ней лицо и покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Но путь идёт туда.

У первого витка уже стоял Иллан. Верхний свет ложился на плечи и край плаща, а ниже ступени пропадали в тёплой тьме. Он проверил крепление ножен и поставил ногу на камень так уверенно, словно спуск продолжал начатый им расчёт.

Аэлита заметила, что он ни разу не оглянулся на её разговор с Торном. Именно эта сосредоточенность делала его надёжным проводником; именно она мешала понять, оставалось ли в его решениях место кому-нибудь ещё.

Сверху ещё долетали отдельные голоса освобождённых; один ребёнок смеялся, затем кто-то сердито велел ему отойти от обрыва. Внизу же не слышалось ничего человеческого. Там шёл только ровный гул, которому было всё равно, кто опустит на камень следующую ногу.

Иллан, не оборачиваясь, сказал:

— Дальше будет тише. И древнее. Держитесь ближе.

Он начал спуск первым.

Торн пошёл за Илланом, простукивая ступени посохом. Аэлита дождалась, пока старец найдёт опору на первом повороте, и лишь тогда вступила на спираль. Тёплый воздух обжёг ей лицо; за спиной быстро исчезла полоска дневного света.

Спираль уводила их всё ниже.

На первых витках ещё встречались следы Улья: ломкие зелёные наросты на ступенях, пыль Синхрона в трещинах, шестиугольные рубцы на стенах. Ниже кристаллы исчезли; на смену гладким переходам пришёл шероховатый камень, отполированный лишь у поворотов, где веками касались его вода или что-то ещё.

Базальт темнел; в нём проступали почти чёрные металлические жилы. Аэлита провела по одной кончиками пальцев и отёрнула руку: металл оказался горячее камня. Здесь не было следов резца Зодчих, узнаваемых по прямым надрезам и аккуратным швам. Жилы уходили в породу без стыков, словно сформировались вместе с нею, и дорога впервые показалась не выстроенной, а выросшей.

Становилось жарче.

Жар поднимался снизу широкими волнами. Он обволакивал ступни, проникал под одежду, собирал пот у основания шеи. Здесь не горел открытый огонь, но металлическая пряжка ремня быстро нагрелась; Аэлита передвинула её, чтобы не касалась кожи. Вместе с теплом приходил звук — поначалу невнятный, затем всё более равномерный.

Гул повторялся с большими, почти одинаковыми промежутками. После каждого удара под ногами чуть дрожал камень, а в тишине между ними слышалось капанье воды, которую они ещё не могли увидеть.

Сначала Аэлита решила, что он доносится из глубины. На следующем повороте её зубы отозвались тонкой вибрацией; старая травма в плече заныла, и клинок в ножнах тихо звякнул

о прыжку. Источник звука по-прежнему оставался невидимым, но гул уже проходил сквозь их тела. Не зов — скорее испытание, о котором их никто не предупредил.

Аэлита замедлила шаг, стараясь различить интервалы между ударами. На поверхности опасность обычно выдавала себя движением: зверь мог броситься, страж поднять оружие, толпа сомкнуть ряды. Здесь ничто не двигалось навстречу, и именно поэтому тело постоянно готовилось к удару. Она ловила себя на том, что переносит вес на переднюю ногу, готовая уклониться от противника, которого нельзя было увидеть.

Торн шёл медленнее.

Дважды Торну пришлось остановиться. Он опирался на треснувший посох обеими руками, пока дыхание не выравнивалось; тонкая струйка пота текла по выжженному виску. На третьем витке старец попросил Аэлиту проверить край ступени, прежде чем поставить туда ногу. Впервые за весь путь его голос прозвучал так буднично, что она почти обрадовалась.

— Этот гул идёт снизу? — спросила Аэлита, когда они вновь двинулись.

Торн не ответил сразу.

— По камню — да, — ответил Торн. — А вот откуда он взялся, не скажу.

Он остановил посох на ступени и прислушался. Удары не стихали; каждый проходил в древко с небольшой задержкой, затем поднимался по запястью и отзывался в кости. Торн наклонил голову, сопоставляя эти запаздывающие отклики, и Аэлита впервые увидела на его лице не привычную суровость, а растерянное сосредоточение.

— Звук возвращается, — произнёс старец наконец. — Только я не могу понять, от какой стены.

— Может, это механизм? — спросила Аэлита.

Иллан шёл впереди так ровно, словно уже запомнил шагами весь изгиб спирали. Даже когда камень сужался, он не тянулся к стене; прежде чем переставить ногу, едва заметно переносил вес и проверял опору. Аэлиту тревожило не отсутствие страха, а то, как мало он теперь показывал другим, где сомневается.

— Не похоже, — сказал Торн. — У колёс был бы ход, у рычагов — ответный скрежет. Здесь камень сам передаёт удары, а их источник лежит глубже, чем уходит мой слух.

У следующего витка спираль вдруг оборвалась: перед ними поднялась глухая стена.

Стена была гладкой, чуть выгнутой внутрь, без шва и выступа. Под почти чёрной поверхностью медленно перемещались тёплые полосы, напоминавшие жилы расплавленного металла. Аэлита провела ладонью у самого камня и ощутила жар, хотя ни трещины, ни отверстия не нашла. Гул продолжался за преградой, не меняя ритма.

Аэлита остановилась.

— Прекрасно, — сказала она глухо. — Мы дошли до сердца земли, а про дверь, похоже, забыли.

Она сказала это без привычной насмешки. Слишком часто последние двери открывались перед ними лишь после того, как кто-нибудь платил за проход болью или памятью.

Иллан не ответил.

Иллан подошёл к стене и остановился в шаге от неё. На мгновение Аэлита узнала его прежнюю манеру: он не искал щель, не мерил преграду силой, а будто освобождал для неё возможность раскрыться самой. Так открывались некоторые двери на их пути, когда нужно было отпустить намерение, а не вцепиться в него.

Торн тоже понял.

— Осторожно, — сказал он негромко. — Здесь не прежняя дорога.

Иллан едва заметно кивнул.

Воздух вокруг него стал тише. Не холоднее, не гуще — именно тише, будто все малые звуки отступили, давая место одному внутреннему движению. Аэлита вспомнила реку вероятностей, корабль, сотканный из намерения, двери, открывавшиеся не силе, а правде. Тогда

мир ещё можно было не заставить, но склонить — если не хватать его за горло, если позволить нужной ветви самой подойти ближе.

Стена не ответила. В слабом отблеске металла оставались видны её округлые края, но на поверхности не возникло ни одного нового шва.

Иллан попробовал вновь. Аэлита заметила напряжение в его пальцах: сперва ладонь раскрылась, затем на миг сжалась, словно он пытался отказаться даже от желания заставить камень. Поверхность оставалась безучастной; тонкие металлические жилы продолжали течь собственным ходом.

Аэлита непроизвольно выдохнула, только теперь заметив, что задерживала дыхание. Она видела, как Иллан останавливал течение вероятностей; неподвижная стена казалась более убедительным отказом, чем любой враг.

— Не берёт, — тихо сказал Торн.

— Что именно? — спросила она.

Старец провёл пальцами по камню, не давя, почти боясь нарушить его неподвижность.

— Здесь намерение не ключ, — ответил Торн. — Даже очищенное. Камню всё равно, чего ты добиваешься.

Открыв глаза, Иллан медленно опустил руку. На лице не было досады, но Аэлита заметила, как он едва заметно переменял стойку, словно готовился к другому способу разговора с преградой.

— Значит, это не дверь.

Торн медленно кивнул.

— Нет, — ответил Торн. — Дверь открывается тому, кто сумел подобрать ключ. Порог решает, кого перед ним признавать.

Старец опустил на одно колено и коснулся камня ладонью.

Лицо его изменилось.

Он замер с ладонью у стены, прислушался и резко отдернул руку. Несколько мгновений его пальцы оставались разведены, хотя он уже не касался поверхности, — словно прикосновение продолжалось под кожей.

— Камень — только кожа, — прошептал он. — Глубже уже различают.

Аэлита нахмурилась.

— Кто?

— Не кто. Что. — Торн поднялся, стряхивая с пальцев чёрную пыль. Она была тонкой и тяжёлой, как истёртый металл. — Всё, что мы проходили, было на поверхности мира. А здесь спрашивают не о цели твоего пути. Здесь различают, кто ты, даже если ты сам этого не знаешь.

Аэлита посмотрела на собственную руку: ногти были забиты зелёной пылью Улья. Если камень различал людей без их воли, что он увидит в ней — и почему она до сих пор думала лишь об Иллане?

— Значит, он знает о нас больше, чем мы сами? — спросила она.

— Не обязательно, — ответил Торн. — Но различать и понимать — разные вещи. Я бы не доверял тому, кто путает их.

Иллан подошёл к гладкой чёрной стене и положил на неё ладонь. Он не сделал ни призывного жеста, ни попытки собрать силу: коснулся камня с той будничной решимостью, с какой проверяют температуру воды прежде, чем войти в неё.

И в ту же секунду гул изменился.

На мгновение Аэлите показалось, что порода под его ладонью втянула воздух. Следом она ощутила толчок у себя в груди — не боль, а чужой ритм, нашедший отклик в собственном сердце.

Гул вошёл в грудь, прошёл по рёбрам и остановился где-то у самого сердца. Там, внутри тела, возникло знание, похожее на чужое слово.

Слово не прозвучало и не возникло обычной мыслью. Они узнали его смысл сразу, как узнают опасную высоту, стоя у самого края.

Соразмерен.

Аэлита резко посмотрела на Иллана. Его пальцы оставались на камне, и она увидела, как невольно напряглась мышца у большого пальца.

Он тоже это почувствовал.

По поверхности пошли тончайшие круги, расходясь от ладони Иллана, как по воде от упавшего камня. В ближайшем отблеске его фигура на миг раздваивалась — и тут же накладывалась сама на себя иначе, словно мир пытался показать несколько разных ответов на вопрос, кем он стал.

Аэлита видела Иллана — и сразу все прожитые им облики, наложенные друг на друга.

Перед ней словно проходили несовместимые кадры одной жизни: худой архивариус в истёртой куртке, юноша у Алтаря в сапфировом огне, молчаливый проводник Синхрона. Последняя фигура была почти бесцветной: высокий силуэт с неподвижными руками, у которого даже тень выглядела слишком правильной. И всё это — на том же самом месте, у той же стены, под ладонью того же человека.

За последним силуэтом проступила белая пустота вместо лица. Там, где должны были измениться губы или дрогнуть веки, не произошло ничего.

Аэлита отступила и упёрлась пяткой в неровный край ступени. Она успела схватиться за выступ стены, прежде чем потеряла равновесие. Самым страшным было не чудовищное превращение, а то, что все увиденные жизни умещались в одном человеке, который всё ещё стоял перед ней.

Торн резко втянул воздух. Аэлита моргнула, пытаясь удержать хотя бы один из обликов, но они исчезли так быстро, что на сетчатке остался лишь узкий сапфировый след.

Гул смолк.

Иллан не отнял руки.

Лицо Иллана оставалось спокойным, однако под кожей на виске билась тонкая жилка. Аэлита впервые заметила, что он тоже прилагает усилие, только не позволяет ему стать видимым.

— Ты тоже видел их? — спросила Аэлита. — Все эти лица?

Он не ответил.

Тогда за него ответила стена.

Вместо ответа от стены потянуло горячим воздухом. На гладком камне проступили вертикальные швы, каждый на миг подсвеченный тусклой сапфировой линией. Затем цельная преграда медленно разошлась, раздвигая крошку породы у основания. За нею открылся проход, высокий и узкий; его дальний край терялся во тьме, куда не проникал отблеск от стен.

Торн поставил посох поперёк прохода, как если бы хотел на мгновение задержать спутников.

— Он принял тебя, — сказал старец.

Иллан наконец отнял ладонь.

— Нас, — произнёс он.

— Нет, — тихо ответил Торн.

Аэлита посмотрела на отверстие, затем на ладонь Иллана. На коже не было ни ожога, ни следа; камень раскрылся перед ним слишком легко.

— Объясни.

Торн повернул незрячее лицо к проёму. Древко посоха постукивало о край камня, пока он пытался определить глубину прохода.

— Он ответил не на твоё усилие, — сказал Торн. — Это было бы понятно. Здесь сработало другое: совпадение. Порог узнал в тебе что-то родственное тому, что ждёт за ним.

Горячий воздух тронул волосы у Аэлиты. Она поймала себя на том, что смотрит не на дверь, а на Иллана, ожидая хоть тени удивления.

— Совпадение с чем?

Торн сжал посох так, что старое дерево скрипнуло.

— С тем, что лежит ниже.

Иллан не возразил. Он проверил тёмный проход взглядом и слегка отступил, пропуская Торна ближе к порогу, но старец не двинулся.

Торн провёл языком по пересохшим губам, прежде чем продолжить.

— Не считай это благословением, мальчик, — сказал он. — Замок иногда отпирают и для того, чтобы впустить пленника. Мне бы хотелось знать, что именно в тебе признала эта глубина.

Аэлита хотела потребовать у Иллана ответа, но воздух из проёма изменился. Сухой жар уступил место прохладе, пахнувшей металлом и древней пылью; с дальнего конца тёмного хода пришёл тихий скрежет, словно там неторопливо двигалась тяжёлая плита.

Это был уже не один только жар недр.

Пыль пахла так, как пахнут давно закрытые комнаты, если открыть их после долгих лет, — сухой известью и старым железом. Но главной переменной был звук: шаг, сделанный у порога, возвращался с задержкой, которой не объясняли видимые стены. За проёмом начиналось пространство гораздо больше узкого коридора.

Проход вёл не столько вниз, сколько внутрь. Аэлита знала, как возвращаются люди после обычного спуска — измученными, обожжёнными, живыми. Отсюда можно было выйти без единой раны и всё же не вернуть того, кто переступил порог.

Иллан вошёл первым.

Шаг Иллана не отозвался эхом. Он исчез в чёрном проходе, и лишь слабое движение края плаща на мгновение выдало его положение. Пространство будто поглощало звук раньше, чем тот успевал оформиться.

На пороге они оказались порознь: Иллан уже вошёл, Торн прислушивался к камню, Аэлита стояла у самого края света. Их разделяли считанные шаги, но она вдруг увидела, как легко Братство может превратиться в три отдельные судьбы, если каждый начнёт отвечать глубине в одиночку.

Торн провёл наконечником посоха вдоль раскрытого шва и прислушался к вибрации. На одном участке звук оборвался, как у края глубокой пустоты; старец задержался там дольше остальных.

— Запомни, — сказал он Аэлите. — На таком пути тебя спрашивают не только о том, куда ты идёшь. Камень рано или поздно доберётся до того, что ты стараешься не замечать в себе.

— А если я не захочу отвечать?

— Тогда он может ответить за тебя, — сказал Торн. — И не обязательно твоим голосом. И с этими словами он переступил порог.

Аэлита осталась у входа, пока звук посоха Торна не исчез за поворотом.

За её спиной лежала лестница к освобождённому востоку, к Шпилю и людям, которые только учились говорить «я». Впереди камень принял Иллана так быстро, что Аэлита не успела увидеть на его лице ни одного сомнения. Она подумала о девочке у руин и о собственной руке, не отпускавшей меч даже тогда, когда он был бесполезен.

Она сняла ладонь с эфеса и растёрла затёкшие пальцы, прежде чем войти.

Потом шагнула следом.

За поворотом в стенах выступили тёмно-синие прожилки, поначалу редкие, затем всё гуще. Они светили из толщи породы, оставляя сами уступы в полумраке. Коридор расширялся, гул проникал уже не только в слух: Аэлита ощущала его ступнями, коленями, грудной клеткой.

Он проходил через пол, стены, кости и поднимался к основанию черепа. После каждого удара наступала короткая пауза, и эта пауза почему-то беспокоила сильнее самого гула: в ней Аэлита слышала собственное дыхание, отдельное и непредсказуемое.

Коридор свернул вправо и вывел их к уступу. Аэлита остановилась, когда перед глазами внезапно исчезла ближняя стена: ниже открывалась пустота, а противоположный берег уходил в темноту так далеко, что не находил границы.

Перед ними лежало первое преддверие Срединных Чертогов.

Перед ними не было ни обычного зала, ни пещеры. Исполинские арки растворялись в синем полумраке; далеко внизу двигались тяжёлые бело-золотые потоки внутреннего огня. Через провалы тянулись мосты и уступы, выросшие из той же породы, без видимых швов и подпорок. Свет отражался снизу на сводах, и казалось, что у Чертогов два неба: одно каменное, другое — текущее огнём под ногами. Гул возвращался от бесчисленных поверхностей, уже не позволяя определить источник.

Торн остановился рядом и поставил посох на самый край уступа. Наконечник отозвался коротким металлическим звоном — не таким, как на лестнице.

— Вот оно, — прошептал он.

— Что? — спросила она, не отрывая глаз от немыслимой глубины.

Торн провёл ладонью по воздуху, проверяя направление потоков жара, и прислушался к их глухому перекату.

— Место, где мир ещё помнит, что был создан не для страха.

Аэлита хотела было возразить: разве можно судить о назначении мира, стоя над такой бездной? Но здесь и правда не было ничего, что напоминало бы знакомого врага. Не охотились стражи, не смыкались стены. Текла порода, держались мосты, и под ногами жила сила, которой было безразлично их присутствие. Впервые за весь спуск она почувствовала не страх перед нападением, а меру собственной малости.

У края уступа стоял Иллан. Бело-золотой свет очертил его узкую фигуру, но он не отступил и не потянулся за опорой. В этом спокойствии Аэлита увидела опасную близость к глубине: он смотрел на неё не как человек, впервые увидевший чудо, а как исследователь, наконец обнаруживший закономерность.

Они долго не двигались.

Дорога через Чертоги была видна: тёмный мост уходил к следующему уступу, за ним вдоль стены тянулась узкая полоса камня. Но никто не спешил. Белый огонь под ними двигался без всплесков, как густое вещество, которому не требуется огонь, чтобы жечь. У каждого было время прислушаться к своему страху — и к тому, насколько чужими стали мысли спутников.

Торн первым нарушил молчание.

Торн сделал два шага к краю и поднял лицо к гулу. Не видя провала, он, кажется, различал его по тому, как возвращался звук посоха. Он несколько раз ударил наконечником о плиту, выбирая ритм, и наконец остановился, услышав дальний ответ.

— Здесь нельзя идти привычным шагом, — сказал он. — В Синхроне слушали нашу волю, чтобы подчинить её. А здесь, похоже, слушают то, что останется от каждого, когда исчезнут все оправдания. Это чище прежней силы — и оттого беспощаднее к человеку.

Аэлита посмотрела на Иллана; он стоял у самого края, не меняя опоры, словно уже выбрал следующий мост.

Она ждала хотя бы малого знака изумления: произвольного шага назад, неровного вдоха, вопроса к Торну. Иллан только следил за тем, как бело-золотой поток поворачивает под мостами. Он будто сравнивал увиденное с давно выстроенной внутренней схемой. Эта сосредоточенность могла спасти их в пути; но Аэлите хотелось знать, кому он будет обязан возвращением, если сама схема потребует жертвы.

— Ты уже знал, что здесь будет так? — спросила она.

Иллан повернул голову не сразу.

— Не так, — ответил он. — Но я знал, что внешний мир — только оболочка.

— Ты говоришь так, словно всё это тебя не касается.

— Касается, — ровно сказал он. — Именно потому я и здесь.

Аэлита невольно усмехнулась и тут же отвела глаза. От ответа Иллана веяло знакомой резкостью: он признавал действие, но не допускал к себе вопрос о том, как ему было страшно.

Торн опустился на чёрный выступ, поставив посох между колен. Камень был горячим; старец потёр ладони, прежде чем заговорить.

— Нам нужно остановиться, — сказал Торн. — Не ради отдыха. Сейчас каждый из нас слушает что-то своё: Иллан — эту глубину, ты — его, а я всё пытаюсь определить, с какой стороны придёт удар. Так мы пропустим то, что случится между нами.

Аэлита не ответила сразу. Перед глазами вновь возник зелёный сад, которого уже не существовало, — невозможная жизнь, от которой ей пришлось отказаться у Улья. Торн едва держался после щита. А Иллан стоял внизу у самой границы света и выглядел так, словно с каждым пройденным порогом в нём становилось всё меньше места для случайного человеческого движения. Это не делало его чудовищем. Он по-прежнему вёл их; потому-то Аэлита и не могла решить, когда забота о нём перестанет быть верностью и станет необходимостью остановить его.

— Скажи мне правду, — проговорила она тихо.

Иллан посмотрел на неё.

— Я редко говорю иное.

— Не говори, что это был просто проход, — сказала Аэлита, подходя к Иллану. — Когда камень открылся, ты узнал что-то. Что именно?

Её слова прозвучали громче, чем она рассчитывала. Свод вернул последнее «что» с такой задержкой, словно вопрос повторили где-то далеко внизу.

Торн не поднял головы, но Аэлита знала: он слушает.

Иллан посмотрел на мосты. Под ними медленно повернул бело-золотой поток; отдалённый треск прошёл по уступу, и Аэлита заметила, что Иллан сначала дождался, пока вибрация стихнет, и только затем ответил.

— Да, — сказал он наконец.

Аэлита приготовилась спорить и на миг растерялась: он согласился с её наблюдением без возражений.

— Что?

Он отвёл взгляд к Чертогам.

— Узнавание.

Торн поднял голову, услышав это слово. Древко его посоха перестало постукивать о камень.

— Дурное слово для такого места, мальчик.

— Я не выбираю слова по их приятности, — ответил Иллан. — Только по точности.

Аэлита ощутила, как раздражение уступает место ясному, трудному вопросу: если глубина казалась ему знакомой, что оставалось незнакомым в них самих?

— Узнавание чего?

Иллан разжал левую руку. На ладони осела тонкая чёрная пыль, которой Аэлита прежде не замечала. Он провёл по ней большим пальцем, словно проверяя, осталось ли что-то от соприкосновения с порогом.

— Не места. Способа, которым здесь устроена сила, — сказал Иллан. — Я уже встречал его раньше, только там он был скрыт страхом и желаниями людей. Здесь он проступает без примесей.

Аэлита задержалась взглядом на чёрной пыли у него на ладони. Если камень узнал в нём что-то родственное себе, отчего Иллан говорит только об устройстве мира, а не о том, что он сам почувствовал?

— Вот это меня и пугает, — прошептал Торн.

Торн поднялся с усилием, опираясь обеими руками на посох, и встал между Аэлитой и Илланом. Он не видел их лиц, однако повернулся ровно к тому месту, где стоял Иллан, — по едва слышному шороху плаща.

— Слушай внимательно, — произнёс Торн. — Узнать чужую силу не значит быть ей роднёй. Порой замок подходит к ключу потому, что для этого его и сделали. И тогда важно спросить, кто держит ключ в руке.

Иллан не отвёл взгляда. Но пальцы левой руки сомкнулись, скрывая чёрную пыль от глаз.

— Ты думаешь, я этого не понимаю?

— Ты умеешь отвергать власть, когда она обещает тебе почёт, и страх, когда он требует покорности, — ответил Торн. — Но здесь с тобой заговорят языком, которым ты сам привык думать. Всё будет точно, стройно, без единого лишнего движения. Вот тогда не торопись соглашаться.

Молчание после этих слов было долгим.

Под уступами бело-золотой поток повернул, и свет ненадолго поднялся к их лицам. Торн выглядел старше — на лбу у него проступили глубокие складки, которых Аэлита не помнила до Синхрона. Иллан посмотрел на испачканную ладонь. Это было маленькое движение, почти незаметное; Аэлите оказалось достаточно и его, чтобы не отступить.

Значит, он всё ещё слышал Торна. Не перебил, не отвернулся и, что важнее, посмотрел на собственную ладонь после предупреждения старца. Возможно, это было слишком малое основание для надежды, но другого у Аэлиты пока не было.

Аэлита вытерла влажную ладонь о плащ, затем шагнула к Иллану так, чтобы он не мог принять её слова за общую клятву Братства.

— Хорошо, — сказала она. — Значит, идём дальше. Но теперь слушай и ты меня, Иллан. Он поднял на неё взгляд.

— Если глубина предложит тебе стать её ответом на всё, что в мире неидеально, я напомним, за кем мы сюда пришли, — сказала она. — Даже если тебе это не понравится.

— Это угроза?

— Это обещание.

Торн качнул головой, но ничего не сказал. Похоже, он знал цену таким обещаниям и всё-таки не собирался отнимать у них право их давать.

Иллан посмотрел на Аэлиту. Выражение его лица почти не переменилось, но руку он больше не прятал.

— Тогда держись рядом, — произнёс он. — И смотри внимательно.

С этими словами он отвернулся и ступил на первый мост.

Мост оказался уже, чем показалось с уступа. Чёрная порода уходила над провалом одной ровной полосой, без перил; снизу шёл бело-золотой свет. С первым шагом Иллана по камню пробежала тонкая синяя линия, словно мост измерил его вес и запомнил ритм. Аэлита отметила её положение, собираясь проверить, повторится ли отблеск, когда она сама ступит туда.

Торн пошёл вторым.

Аэлита остановилась у начала моста и оглянулась на тёмный ход, по которому они пришли. Оттуда не долетало уже ни одного человеческого голоса.

Где-то высоко оставались люди у руин Улья. Женщина по имени Найра, впервые произнёсшая себя вслух. Девочка, которая пыталась освободить ладонь. Аэлита не знала, что они сделают завтра, и в этом было столько же надежды, сколько страха. Она посмотрела на спутников и ступила на мост, решив хотя бы здесь не отпускать их из виду.

Она сделала второй шаг — и из глубины Чертогов донёлся глухой протяжный звук. Он не походил ни на крик, ни на удар. Скорее где-то далеко сместилась огромная каменная плита, и всё пространство отозвалось на её движение.

Все трое остановились.

Гул прошёл по мосту, отозвался в костях и заставил лезвие Аэлиты едва слышно звякнуть в ножнах. Она удержала равновесие, опустившись чуть ниже на согнутых коленях: так тело само отвечало на угрозу, источник которой она не видела.

Торн крепче упёрся посохом в мост, проверяя, не сдвинулся ли камень.

— Это не эхо, — прошептал он.

Иллан остановился впереди, не оборачиваясь. По прямой линии его спины Аэлита догадалась, что он прислушивается так же напряжённо, как Торн.

— Нет, — сказал он. — Это ответ.

В глубине отозвалась мысль — холодная, почти бесцветная. Она не была ни именем, ни приказом, но у каждого из них вдруг появилось ощущение, что кто-то соотнёс их шаги с чужой мерой.

Носитель.

Торн уловил её как перемену в гуле. Аэлита — как ледяную точность, внезапно возникшую среди её собственных мыслей. Они не обменялись словами, но оба поняли: глубина открыла путь не просто так.

Она заметила Иллана.

По ту сторону мостов в темноте поочерёдно загорались синие точки. Они появлялись на разной высоте, отмечая изгибы уступов, которых ещё не было видно, и с каждой новой точкой бездна казалась не менее глубокой, а более населённой чьим-то вниманием.

Аэлита оглянулась на Торна; тот уже шагал вперёд. Иллан стоял в нескольких шагах, неподвижный на фоне дальней синевы. Она подтянула ремень ножен и последовала за ними: настоящая дорога по Срединным Чертогам началась не у входа, а теперь, когда внизу кто-то узнал их проводника.

ГЛАВА 2. Город, где больше некому приказывать

Чертоги больше не отвечали на шаги Братства. Их путь уходил вниз, и только камень под ногами сохранял тот мерный гул, которым глубина встретила Иллана.

Они шли через чёрные переходы и мосты над бело-золотыми руслами жара. На сыпучих участках Аэлита шла за Торном, готовая подхватить его, если посох соскользнёт. Дорога петляла, и постепенно из её глухого дыхания выделился другой звук — едва слышный, многоголосый.

В верхних переходах ещё мерцали редкие синие жилы, а снизу поднимался жар тёмной породы. Впереди возник янтарный свет, рассеянный и тёплый. Он не просачивался из трещин: отдельные огни висели на одной высоте, на одинаковом расстоянии друг от друга. За огнями явно следили.

Аэлита приняла первые огни за минеральные чаши, пока не заметила под одной из них потемневший след ладони. На уступе лежала деревянная лопатка с засохшей глиной. Здесь жили люди.

Торн остановился раньше остальных. Посох стукнул о камень и умолк; старец прислушивался не к шагам и не к шуму очага, а к тому, что едва отделялось от поверхности стен.

Он склонил голову, повернул её к левой арке, затем к правой. Звуки доходили с разных расстояний, но возвращались с одинаковым мягким призывком. Аэлита пока не различала слов.

— Имена, — сказал он глухо.

Аэлита напрягла слух. Сперва до неё доходил лишь шорох, похожий на трение сухих листьев, хотя листьев здесь быть не могло. Затем из этого шороха выделились человеческие голоса.

Кто-то произнёс короткий слог и оборвал его на выдохе. В другом месте тонкий голос протянул две гласные, а рядом прозвучал низкий, старческий бас. Неровный человеческий смешок прозвучал из пустоты. Голоса выходили из камня, задерживались под арками и снова уходили в него.

Призраками их назвать было бы неверно: имена удерживались на границе слышимого и не желали исчезать.

За последним поворотом открылся населённый зал. Уступы были срезаны в камне на разной высоте; узкие мостки соединяли их над тёмными разломами. Перед нишами висели штопанные полотнища. В глубине дымила печь. И всюду — на опорах, подоконных выступах, низких стенах — тянулись ряды имён.

На ближайшей стене надписи лежали одна над другой. Свежие знаки хранили светлые следы резца; старые забились пылью, но их контуры были обведены краской. У одного имени камень оказался сбит до белого, словно резчик возвращался к нему снова и снова. Внизу шли неровные детские строки.

Некоторые имена были отделены широким промежутком: на камне оставалось место для продолжения рода. Иные шли тесно, одно под другим, с пометами о месте, долге или клятве; чаще от человека сохранялось только имя.

Аэлита провела взглядом вдоль рядов и поняла, откуда шёл шёпот. Когда поток тёплого воздуха касался свежей насечки, слог становился слышнее; там, где буквы почти стёрлись, голос едва удерживался. Но некоторые знаки отзывались и без ветра. У стены старуха коснулась имени и шевельнула губами — камень повторил его молодым голосом.

Аэлита замедлила шаг возле короткой надписи. Под ней кто-то вывел вторую строку, совсем мелкую, и прикрыл её ладонью от осыпающейся пыли. Ей представился человек, которому когда-то принадлежало это имя.

В дальнем ряду два голоса на миг совпали и разошлись, точно люди, перебившие друг друга за одним столом. Из-под арки донеслось низкое, терпеливое повторение имени; где-то выше прозвучало другое — так близко, что Аэлита обернулась. За плечом никого не оказалось. Звук шёл из свежей борозды.

От печи тянуло подгоревшей хлебной коркой. В нагретую глину вьелся дым, из ниш доносились запахи шерсти, трав и соли. На одном из мостков сушилось детское бельё. После пыли Синхрона обычная жизнь — хлеб, бельё, детские голоса — больно отзывалась в ней.

Над мостками висели прозрачные янтарные чаши. В каждой светился густой, неспешный огонёк; рядом с одной из чаш свисала петля для ухода за светильником. Теней почти не было, различать людей становилось трудно. Лица словно выступали из самой стены — сначала глаза, потом руки, испачканные краской или мукой.

В нишах жила целая община. Ребёнок тащил за собой корзину с обрезками ткани; двое стариков спорили жестами над сломанной ручкой сосуда. Но при виде Братства разговоры затихли. Они встречали чужих пристальным вниманием к походке и рукам.

К Иллану здесь никто не бросился с благодарностью. Несколько человек отступили к стене, освобождая проход; другие остались на местах. Женщина, державшая младенца, поправила его одеяло и не сводила глаз с пришедших. Здешные не спешили доверять сильным.

У края уступов встали двое мужчин в рабочих накидках; женщина закрыла ладонью знак на груди ребёнка. Многие касались горла или верхней части груди — привычно, почти незаметно, как проверяют завязку на одежде. Так здесь берегли голос для важных имён.

Торн провёл концом посоха по ближайшей плите и задержал его в борозде с вырезанными буквами. Он не мог прочитать их глазами, зато слышал слабый отклик каждой насечки, когда дерево касалось камня. Пальцы старца расслабились: здесь ему не хотелось судить.

— Здесь живут не под властью, — тихо сказал он. — Здесь живут против растворения.

Аэлита посмотрела на стену рядом с ним. Одно имя было обведено несколько раз разными почерками. Значит, к нему возвращались не только те, кто помнил умершего первым.

Глубоко в бороздах держалась синеватая краска, поверх которой кто-то нанёс новую, рыжую. В нескольких местах виднелись пустые прямоугольники: камень ждал имён, которые ещё только появятся. Работу прервали только что.

Вблизи шёпот оказался гораздо менее стройным. Один голос сипел, другой торопился, третьему не хватало воздуха на длинный слог. Так звучала живая речь, потерянная в хоре Синхрона. Ни одно имя не подстраивалось под соседнее, даже если для слуха это было неудобно.

Свежие борозды пересекали старые. Резали камень. Произносили имя. Исправляли неверно лёгшую черту. Не ради красоты надписи — ради человека, которого можно было потерять ещё раз, если перестать его звать.

Иллан остановился у порога янтарного зала чуть впереди спутников.

В первых Чертогах пространство откликалось на него сразу: камень принимал его присутствие, и путь будто заранее выбирал, куда лечь под ногой. Здесь встречного движения не возникло. Плотный шёпот тысяч имён продолжался в собственном ритме. Иллан чуть повернул голову, прислушиваясь, и на мгновение задержался перед узким местом, где пришлось пропустить мимо женщину с тяжёлой корзиной. Та даже не посмотрела, кто уступил ей дорогу. Аэлита запомнила эту задержку.

Женщина с корзиной уже скрылась за тканевой завесой, и голоса стен продолжали своё дело. Иллан оставался среди них одним человеком. Нота не заглушала другие голоса. Аэлита испытала облегчение — и сразу подумала об Иллане.

Вперёд вышла женщина с густыми седыми волосами, отливавшими медью в свете чаш. На поясе её тёмного платья поблёскивали узкие соляные пластины, потёртые частыми прикосновениями. К запястью была привязана полоска ткани с мелкими записями. Палец всё время поглаживал край ткани.

Она остановилась в трёх шагах от Иллана. Между ними оставалась узкая полоса света, которую никто не решился пересечь.

— Назовитесь, — потребовала женщина; в её голосе не было громкости, но и возможности отложить ответ она не оставила.

На дальней стене сбился один шёпот. Люди вокруг притихли.

Так здесь начинали разговор с незнакомцем: не спрашивали о заслугах, оружии или дороге. Сначала хотели услышать голос человека.

Торн уже открыл рот, но Иллан ответил первым:

— С востока, — ответил Иллан. — Мы разрушили Синхрон. Восточный Шпиль больше не подчинён Улью. Нам нужен проход к нижним Чертогам.

У дальней стены одна старуха опустила резец, которым обновляла надпись. Последний слог её шёпота прервался на полпути; Аэлита услышала, как резец неловко царапнул камень.

Женщина дала Иллану договорить. Затем коснулась записей на своём запястье, словно возвращая разговор туда, откуда он свернул.

— Я спросила, как вас зовут, — произнесла она. — Не что вы совершили. Для дороги ещё будет время.

Из-за завесы выглянул мальчик с деревянной ложкой в руке. Увидев, что взрослые молчат, он спрятался обратно. Аэлите стало неловко за такой ответ Иллана.

Он мог назвать любое из своих прежних определений: Ткач, Проводник, носитель Изначальной Ноты, победитель Синхрона. Каждое было верно и каждое обходило то, о чём его спрашивали. Он всегда охотнее говорил о деле, чем о себе.

— Здесь никому не нужны ваши титулы, — продолжила женщина. — И кланяться вам мы не станем. Люди в этом Доме отвечают за собственные имена. Пришли как живые — назовитесь. Как сила — ищите другую дверь.

Торн чуть сдвинул посох, нащупывая край высеченной строки. Аэлита по тому, как медленно он это сделал, поняла: его заинтересовало не препятствие на пути, а правило, которое он никогда бы не придумал сам.

Назвать имя здесь означало подставить под него всю жизнь — не только подвиги и клятвы, но и то, чего стыдишься. Аэлита ощутила знакомое желание заслониться привычным ответом: воительница, выжившая, спутница Ткача. И впервые ей стало ясно, как мало о ней сказали бы все эти слова.

— Я Эсма. Слежу за западной стеной имён, — сказала женщина и коснулась исписанной ленты на запястье. — Вы вошли в Дом Памяти Живых. Нижний проход идёт под нашими сводами. Мы не запираем его воротами: людей здесь удерживают имена. Имена слышны — Дом стоит. Перестанут звучать — пустота снизу найдёт дорогу сюда. Чужой голос может принести её за собой, сам того не зная.

Она посмотрела на Иллана дольше, чем на остальных.

— Поэтому мы спрашиваем прежде, чем открываем путь. Не о силе и не о славе. О том, кто останется, если однажды всё это у вас отнять.

За спиной Эсмы расступились люди. Аэлита увидела в глубине зала низкий круг из тёмного камня и роспись над ним. С такого расстояния рисунок казался просто человеческой фигурой, у которой посреди груди светлело странное, ровно очерченное пятно.

Аэлита задержалась на пороге, пытаясь понять, почему взгляд всё время возвращается к этому пятну. Потом Эсма подала знак двигаться дальше.

— Входите. Только не берите в этом Доме чужого имени, даже если своё покажется вам слишком тяжёлым.

Братство вошло за нею. У порога чей-то ребёнок аккуратно переступил через упавшую щепку и снова принялся строгать маленькую деревянную лодку. Даже здесь ребёнку не требовалось приказа.

До нижнего прохода оставалось ещё далеко. Эсма остановила гостей там, где слышнее всего отзывались стены.

Люди не окружали Братство плотным кольцом: между ними оставляли проходы для детей и для тех, кто нёс воду к печи. Но всякий раз, когда Иллан пытался разглядеть дальнюю арку, кто-нибудь из жителей переводил на него внимательный взгляд. Его не чествовали: сначала хотели узнать человека.

Эсма перевела взгляд с Иллана на Торна, потом на Аэлиту.

— Вы слишком долго шли рядом с тем, что поднимается из глубины, — сказала Эсма. — Я слышу это по вашему молчанию. В наш проход нельзя войти только потому, что ты спаситель или силён. Назови себя — и мы услышим, кто за этим стоит.

Она подняла руку и указала на стены.

— Возле западной стены каждое утро работают резчики, — продолжила она, показывая на людей с инструментами. — Одни переписывают стёршиеся строки, другие учат детей проносить незнакомые имена. Пока имя произносят, оно не исчезает.

Старик у ближайшей стены, не отрываясь от работы, осторожно смёл пыль из свежей борозды. Эсма дождалась, пока он договорит имя до конца, и лишь затем продолжила. Это было такой же работой, как печь хлеб.

Когда-то людей наверху сливал в одно «мы» Синхрон; здесь же опасались иного: медленного стирания отдельного человека. Эта опасность не посылала стражей. Она приходила туда, где уставали вспоминать.

И потому на стенах было так много следов чужих рук — новых зарубок поверх старых, неуверенных детских строк, заплаток из красителя.

Торн протянул ладонь к стене, но не коснулся её. Он и сам когда-то стирал имена из мира: сначала называл человека виновным, затем приказывал уничтожить его, а после в летописях оставалось пустое место. Прямо перед ним резец негромко стучал по камню, будто кто-то терпеливо делал обратную работу.

— В тебе есть сила, которую здесь слышат даже дети, — обратилась Эсма к Иллану. — Но у такой силы бывает цена. Певец теряет все мелодии, кроме одной. Судья помнит закон и забывает, для кого его придумали. Воин удерживает строй, когда уже некому стоять рядом. Мы видели это своими глазами.

— Она ждёт не твоего поражения, — добавила Эсма, заметив, что он молчит. — Ей нужен твой голос. Через того, кто ещё способен открывать проходы, она доберётся туда, где сама пока бессильна.

Аэлита посмотрела на Иллана. Он разглядывал полоску ткани на запястье Эсмы, а не её лицо. Неужели пытался прочитать имена, чтобы понять смысл разговора без самого разговора?

— Потому и не будем делать из тебя безупречного святого, — заключила Эсма. — Такого нам здесь не прокормить. Живому человеку найдётся место.

Из полутени вышла женщина с мучной полосой на предплечье. Она начала смахивать её другой рукой, но остановилась, увидев, сколько людей смотрит на неё. Женщина казалась молодой; возле рта залегли морщины человека, который давно не спит спокойно.

— Эсма... — начала она; пальцы оставили белый след на тёмной ткани.

— Говори, Иара.

Женщина смотрела прямо на Иллана, как на человека, способного назвать утраченный слог. В её взгляде было столько надежды, что Аэлита почувствовала к ней жалость прежде, чем успела испугаться этой надежды.

— Мне говорили, ты прошёл Шпили, — обратилась Иара к Иллану. — Ты слышишь то, чего не слышим мы. Помоги мне вспомнить одно имя.

Эсма положила ладонь на исписанную ленту. Аэлита заметила этот жест: хранительница сразу поняла, какая просьба сейчас прозвучит.

В словах Иары не было жажды чуда. Она хотела обычной, невозможной теперь вещи: проснуться и назвать сына, не боясь, что имя рассыплется раньше последнего звука. Аэлита подумала о собственном брате — и только после этого о том, как легко такая просьба превращает Иллана в инструмент.

Даже резец у дальней стены перестал стучать. Кто-то подхватил на руки ребёнка, который хотел пробраться между взрослыми.

— Чьё имя, Иара? — спросила Эсма, хотя, судя по её лицу, ответ уже знала.

Иара зажмурилась.

— Сына. Я помню, как он бегал по мосткам: всё время обдирал правую коленку. Помню шрам у брови и как он смеялся, когда сверху сыпалась соль. А имя... — Иара шумно вдохнула. — Первый слог ещё мой. Второй уже похож на чужой. Утром остаётся один звук.

Она облизнула пересохшие губы и попыталась произнести имя при всех.

— Э...

Иара прикрыла рот двумя ладонями. Мука на коже осталась белой, и Аэлита вдруг увидела в этой беспомощной позе не просительницу великой силы, а мать, которая только что снова потеряла часть своего ребёнка.

— Ты же можешь услышать, — выговорила Иара Иллану. — Хоть один раз скажи его мне. Я повторю. Я запомню.

Аэлита уже раскрыла рот, чтобы остановить её, и не смогла. Чем отличалась бы её собственная просьба, окажись память об Ионе на волосок от исчезновения?

Но именно так, с просьбы об одном потерянном имени, могла начаться новая зависимость от Иллана: сначала он назовёт слово, потом станет решать, какие воспоминания уцелеть, а какие исправить. И ей самой хотелось сделать для Иары исключение.

Она разжала ладонь, прежде сжатую на ремне меча. Иллан должен был ответить сам, и у неё не было права облегчать этот выбор ни ударом, ни защитной ложью.

Он выслушал её до конца и взглянул на мучную полосу на рукаве. Говорил ли он в уме с силой, способной ответить, Аэлита понять не могла.

— Я слышу многое, — сказал Иллан. — Но если назову слово вместо тебя, как ты узнаешь, что это твоя память?

Иара с надеждой шагнула ближе — и осеклась на последних его словах.

— А если мне не хватит сил самой? — спросила она. — Я ведь не прошу его вернуть. Только имя.

Аэлита поймала себя на том, что давит большим пальцем на старую мозоль от рукояти меча. Только теперь она разжала руку. Иаре требовалась помощь, а всякий верный ответ здесь причинял ей боль. Аэлита впервые ясно увидела цену запрета, который до этой минуты казался ей безусловно правильным.

— Я могу остаться рядом, пока ты вспоминаешь, — ответил Иллан. — Но не стану объявлять свою догадку твоей памятью.

Аэлита подняла взгляд: он предложил не исправить чужую память, а разделить с женщиной время. Такой помощи Иллан давно никому не предлагал.

— Иара, вспомни, как ты его звала, когда он не слушался, — сказала Эсма. — Не имя целиком, а тот голос, которым ты возвращала его с мостков. Чужая сила может повторить звук, но не прожитый вместе день. Твоего мальчика узнает именно это.

— Ты говорила, что он смеялся над солью, — продолжила Эсма. — Что делала ты? Брашила его? Смеялась вместе? Найди сначала эту минуту. Слог придёт позже.

Иара утёрла лицо запястьем, оставив у щеки светлую мучную полоску. Она не ответила, но перестала смотреть на Иллана и попыталась вспомнить.

Эсма взяла её за руки. Ладони хранительницы были шершавыми от камня, и Иара невольно сжала их в ответ.

— После обряда сядем у западной стены. Если вспомнишь только смех — начнём со смеха. Не надо силой тянуть из себя то, что пока болит.

Она отпустила Иару и вновь повернулась к Братству.

— Вот ради чего мы держим стену, — сказала Эсма Братству, когда Иара отошла. — Не чтобы отменить чью-то боль. Чтобы рядом с ней человек не остался один.

— Вы умеете оставаться рядом, — ответил Торн. — Нам этому ещё учиться.

— Здесь всякий учится заново, — отозвалась Эсма. — И я тоже.

Она повела гостей вдоль стены имён. У самого прохода Иара уже помогала мальчику расправить складку ткани на корзине, но, когда Эсма проходила мимо, незаметно коснулась её локтя.

Чем дальше они уходили от входа, тем плотнее переплетались голоса. Порой чьё-то имя перекрывалось коротким смехом; рядом всхлипывала женщина, а из глубины стены доносилось терпеливое старческое бормотание. Шёпот напоминал большой дом после ужина, когда люди говорят из разных комнат и никто не старается подстроить речь под соседей.

У дальней стены Аэлита заметила таз с мутной рыжей водой. Рядом лежали кисточки и сложенные тряпки; несколько имён ещё блестели влажным пигментом.

Здесь люди уступали им дорогу спокойнее. Эсма обменялась несколькими короткими словами с резчиком, проверила рукой высыхающую краску. Иллан задержался у одного знака, прислушиваясь к его слабому отклику. Аэлита заметила в нём осторожное любопытство: маленькие голоса выдерживали то, перед чем Нота умолкала.

Мимо ниш с отодвинутыми занавесями они вышли к низкой круглой печи. Девочка собирала с пола хлебные крошки, пока взрослый поправлял каменную крышку. Дальше проход расширился и привёл к кругу, выложенному тёмными плитами; здесь от ступней отдавался иной, глухой звук.

В центре стояла чаша из чёрного минерала. Ни огня, ни воды внутри не было; тонкий слой светящейся пыли покрывал дно. Часть её пристала к краю, и на камне виднелись полосы от многих прикосновений.

Аэлита подняла взгляд и наконец увидела, что нарисовано над кругом. Она остановилась так резко, что ремень меча ударил по бедру.

На стене стояла человеческая фигура без знаков власти и без оружия. Художник тщательно выверил её очертания: плечи не опущены, руки спокойны, голова поднята. Только в груди оставлен ровный вырез, обведённый золотистым пигментом. Там не было ни следа удара, ни краёв раны — ничего, что объясняло бы отсутствие сердца. По рисунку выходило, что человек просто создан таким.

Фигура держалась с достоинством и покоем. Линии плаща были выведены бережно; у кисти правой руки художник даже сохранил маленькую складку ткани. Всё было узнаваемо человеческим — кроме золотого контура в груди, где не оставалось ни темноты, ни света. Странное совершенство не нуждалось в сердце, чтобы выглядеть законченным.

Аэлита невольно прикинула, как лёг бы такой золотой контур на грудь Иллана. От этой мысли захотелось отойти от стены, но она осталась.

Его взгляд задержался на пустой груди рисунка. На вопрос, который роспись будто задавала ему, Иллан не нашёл слов; лишь разомкнул пальцы и снова опустил ладонь вдоль плаща.

— Это изображение старше нашего Дома, — сказала Эсма. — Мы не знаем, кого писали: человека, которого однажды изменили, или того, кто ещё только должен прийти. Но когда в глубине появляется слишком гладкое совершенство, мы вспоминаем эту грудь. Пустоту он оставил нарочно.

Торн провёл пальцами по резьбе ближайшей плиты, словно искал в ней ответ. Эсма не торопила его.

Голоса в дальних нишах начали собираться в один распорядок: кто-то звал детей, кто-то подхватывал имена с дальней стены. Возле круга убрали корзину с кистями. Подошло время вечернего называния — не зрелища для пришельцев, а обычной работы Дома.

Торн узнал по шагам, как люди сходятся к кругу, и расправил плечи.

— Нас позовут назвать себя? — спросил он.

Эсма кивнула.

— Сегодня вы останетесь здесь, — ответила Эсма. — Перед нижним проходом мы должны услышать ваши имена. И вы сами тоже.

Она перевела взгляд на Иллана.

— Особенно ты, Иллан. Не сердись, если мы спросим больше, чем тебе захочется сказать.

Она сказала это почти буднично. Оттого Аэлита яснее ощутила: хранительница не пытается напугать Иллана. Она предупреждает его о цене будущего разговора.

Аэлита уже знала, что здесь будет проверяться не власть Иллана над Нотой, а его собственный голос.

Здесь пахло хлебом и свежим пигментом, и рядом кто-то осторожно поправлял малышу одеяло. Аэлита попыталась представить Иллана в обычном доме, за столом, среди людей, которым ничего от него не нужно. Образ не складывался. Здесь у Иллана попросят человека, которого даже друзья почти перестали замечать.

А если он не сумеет ответить, никто не сможет скрыть этого за блеском Изначальной Ноты.

Круг собрался без объявления. Кто-то отодвинул с прохода низкую скамью, двое детей заняли места у матери, старики привстали, пропуская пришедших.

Люди становились вдоль стены с изображением человека без сердца. Одни ещё держали инструменты, другие вытирали руки о фартуки; никто не переодевался в особую одежду. Судя по их движениям, вечерний круг был здесь таким же необходимым делом, как утренний огонь в печи. Это удивляло Аэлиту: даже испытание готовили без торжественности.

Один за другим жители опустили заслонки на янтарных чашах. Освещение переменилось не сразу: тёплые блики по очереди уходили с верхних уступов, пока круг внизу не остался главным островком света.

На чёрной чаше соль засветилась отчётливее. Ближние лица проступали резче, зато за первым рядом зрителей стало трудно различить, кто стоит в тени. Из глубины пришёл сухой запах раскалённого камня; огонь в печи за завесой ещё потрескивал. Аэлита услышала собственное дыхание.

Эсма встала у чаши.

— Мы никого не вызываем, — начала Эсма. — Ни мёртвых, ни тех, кто стоит над миром. Мы произносим свои имена так, чтобы в них осталось место тем, кого любили, кому причинили боль и ради кого всё ещё просыпаемся.

Она погрузила пальцы в тёмную соль. Когда провела ими по краю чаши, ногти оставили три светлые полосы.

Звук пошёл по ободу и перешёл в пол, точно вибрация по струне. На ближней стене отозвалось одно имя, следом другое. Аэлита различила два несовпадающих голоса; они не слились, но оба подхватили тонкий звон, который вскоре затих между уступами.

Аэлита вспомнила, как Ион ударял ногтем по краю жестяной кружки, чтобы рассмешить её в тесной комнате. Здесь звук был совсем другим, но внезапная память о жестяной кружке обожгла точнее торжественных слов Эсмы. Она убрала руку с ремня меча и опустила её вдоль тела.

— Сначала тот, кому дольше других приходилось носить чужие звания, — произнесла Эсма и повернула голову к Торну.

Торн нащупал посохом край тёмной плиты. От звука его древка Аэлита узнала, как близко он подошёл к чаше.

Никто не позвал его по прежнему титулу. Старец сам вошёл внутрь круга, опираясь на треснувшее древко; на втором шаге кончик посоха скользнул с края каменной плиты. Торн сам удержался на ногах.

Она видела, как побелели его суставы. Когда-то он входил к людям как судья, и те умолкали прежде первого слова; теперь ему предстояло заговорить, не прикрываясь ни должностью, ни своим раскаянием. Помочь ему было нечем.

Торн остановился у чаши.

Эсма дождалась, пока посох перестанет скрести по плите. Она стояла так близко, что Торн мог слышать её дыхание, и всё же не подсказывала, с чего начать.

Потом хранительница сказала:

— Назови себя.

Торн провёл языком по пересохшим губам. Пальцы его остались на посохе, но уже не сжимали древко до боли.

— Торн, — произнёс он наконец.

Чаша отозвалась тусклым серебряным отблеском.

Эсма склонила голову чуть ниже.

— Это слово знают другие. А кого называешь им ты сам?

Торн повернул голову в сторону тех, кто стоял у западной стены. Разобрать их лиц он не мог; ему хватало шороха одежды и неподвижного ожидания.

— Человека, который жёг невиновных, — сказал он. — Я называл страх порядком и слишком долго требовал чужой крови, чтобы моя совесть оставалась чистой. А чистой она от этого не стала.

Он не повысил голоса, не попытался отвести речь к обстоятельствам. В тишине прозвучало простое признание вины, которую нельзя ни оправдать, ни переложить на мёртвых.

Чаша вспыхнула сильнее. Шёпот вокруг изменился.

С дальних рядов ответили несколько имён, произнесённых с глухой сдержанностью. Торн замер, узнавая в звуке не лица и не голоса своих жертв, а тяжёлую возможность их существования вне его приговора. То, что он когда-то пытался стереть, здесь продолжали называть.

По стене пробежали слабые огоньки — на свежих насечках они задержались, на стёртых почти угасли. Старец услышал их движение по прерывистому шороху резьбы.

Торн отвёл лицо к чаше. Впервые он говорил так, что даже Аэлита не могла угадать, какую часть своей вины он ещё решится назвать.

— Но живёт с этим именем и тот, кто идёт рядом с вами, — продолжил Торн. — Я не хочу, чтобы мои ошибки стали моей единственной правдой. И не хочу забыть людей, которых уже не вернуть. Поэтому пока иду. Потому что ещё могу выбирать, что сделать с этой памятью.

В чаше что-то дрогнуло, и тонкий звон сделался теплее. Эсма подняла взгляд на старца; Аэлита увидела, что по её лицу прошла тень усталости.

Аэлита вспомнила Торна у развалин Улья: он с трудом стоял на ногах, но всё равно отказывался от поддержки, когда речь заходила о прошлом. Теперь он позволил услышать свою вину целой комнате. Он перестал быть здесь одним только палачом.

Эсма впервые протянула руку и коснулась его запястья.

— Я слышу тебя, Торн, — сказала Эсма. — Не только твою вину.

Старец коротко кивнул. После этого уже не требовалось ни объяснений, ни благодарности.

Он вышел из круга тяжелее, чем входил. Аэлита подхватила его под локоть; пальцы старца на краткое мгновение легли на её плечо без привычного сопротивления. Потом он осторожно отнял руку.

— Твой черёд, — сказал он, опускаясь на скамью.

Аэлита вошла в круг, автоматически проверяя, где за спиной выход, куда можно отступить, если плита дрогнет. Это была привычка тела, отточенная в боях и тюрьмах; здесь отступить было некуда. Перед ней стояла низкая чаша, вокруг — люди с мукой на рукавах и следами краски под ногтями. Ладони всё равно вспотели.

Эсма смотрела на неё долго и ровно.

— Назови себя.

— Аэлита, — произнесла она твёрдо, стараясь не задерживать дыхание.

Пыль в чаше едва шевельнулась, и по поверхности пробежала короткая бледная искра. Эсма, однако, не объявила её испытание законченным.

Аэлита напрягла челюсть: опять от неё ждали чего-то, для чего не существовало боевого навыка.

— Кого ты назвала? — спросила Эсма. — Что в тебе отзывается на это слово?

— Я выжила, — отрезала Аэлита. — Разве этого недостаточно?

Она почувствовала прежнюю злость на всех, кто требовал заглядывать туда, куда она не желала их пускать. Было бы проще отвернуться, бросить грубость, уйти из круга. Но рядом сидел Торн; Иллан ждал у стены. Аэлита осталась на месте и заставила себя разжать пальцы.

— Выжить — многое, — ответила Эсма. — Только я спрашиваю, кому это стоило дороже всего.

Под кожей предплечий откликнулись фиолетовые шрамы. Они не вспыхнули болью сразу; сначала пришёл запах сырой лестницы нижних ярусов, затем скрип обуви стражника по камню. Аэлита вспомнила маленькую ладонь Иона, за которую держалась так крепко, что оставила след. И то мгновение, когда ладонь выскользнула.

Она посмотрела не на чашу, а туда, где на её ладони когда-то остались следы детских пальцев.

— Я не успела спрятать брата, — сказала она, и на слове «брата» голос её дал трещину. — С тех пор я училась только одному: больше никого не терять по собственной слабости. Я решила, что меч сможет заменить всё остальное. Он не смог.

Чаша вспыхнула резко, почти болезненно.

Золотистый отблеск пробежал по верхнему ряду резьбы. Две линии загорелись почти одновременно. Аэлита не могла прочесть их с середины круга, но один из отголосков напомнил ей Ионов смех — короткий вдох, после которого он обычно задира подбородок и ждал её улыбки.

У неё дрогнули губы. Воспоминание было таким отчётливым, что захотелось ответить этому смеху вслух, как много лет назад. Вместо ответа она удержала дыхание, пока звук не стих.

Ей хотелось продлить этот миг хотя бы на ещё один вдох.

Она выдохнула медленно, чтобы голос снова подчинился ей.

— Я хотела обычной жизни, — продолжила она. — Так сильно, что стыдилась признаться даже себе. Когда вижу свет в чужом окне, сначала ищу угрозу, а потом завидую тем, кто может просто вернуться домой. Я всё ещё умею идти вперёд. Но не знаю, как привыкнуть к тому, что некоторые двери больше никогда не откроются.

Соль в чаше засияла мягче; треск из печи на секунду стал слышен особенно отчётливо. Кто-то рядом с кругом тихо произнёс своё имя вслед за ней.

Аэлита отступила на полшага, осторожно проверяя опору под ногой, словно мир мог оказаться другим после сказанного. Никто не обещал ей возвращения Иона. Она всего лишь сумела произнести его потерю вслух и остаться стоять.

Эсма коснулась её лба двумя пальцами.

— Я услышала тебя, — сказала Эсма. — И то, о чём ты не могла говорить прежде.

На выходе из круга Аэлита задела носком шов между плитами и выругалась шёпотом. В обычный день это рассердило бы её. Сейчас она с неожиданным облегчением почувствовала себя неловкой, уставшей, живой — не чьим-то символом, а женщиной, способной споткнуться после трудного разговора.

К тому времени Иллан уже подошёл к черте круга. Аэлита чуть не окликнула его, но остановилась: не знала, что сказала бы при всех.

Он вошёл ровным шагом. По дороге поправил плащ, зацепившийся за выступ плиты, и машинально пригладил складку — пустячное движение, которое Аэлита почему-то заметила с благодарностью. Затем он поднял голову, и выученная точность вернулась.

Хранительница посмотрела на его руки, на едва заметный след ожога у запястья, на спокойное лицо. С такого расстояния она могла различить усталость, если та существовала; Аэлита пыталась разгадать по взгляду Эсмы, нашла ли она что-нибудь.

— Назови себя, — сказала она.

— Иллан, — произнёс он, не сделав ни шага назад, ни вперёд.

Голоса на стенах продолжали звучать, но в ближнем ряду один ребёнок перестал повторять имя вслед за матерью. Та тихо сжала его ладонь, и он начал снова.

Аэлита почувствовала, как холодеют кончики пальцев. Она спрятала руки в складки плаща, чтобы никто не видел их дрожи.

В чаше вспыхнул свет, отличный от всего, что они видели прежде.

Из чёрной соли поднялся узкий столб сапфирового сияния. Он держался совершенно ровно: ни колебания, ни живого пульса, ни тёплой примеси, которая сопровождала ответы Торна и Аэлиты. Свет не освещал лиц, оставшихся в янтарной полутьме.

Красота, от которой не становилось светлее, пугала её сильнее блеска самой Ноты.

Вслед за светом потянулась тонкая нота, безупречная по высоте.

Она не спотыкалась о дыхание, не меняла тембра и не смягчалась от чужих голосов. Аэлита поймала себя на желании услышать хоть какую-нибудь помеху: старческий кашель, цокот посоха, шаг ребёнка в тяжёлой обуви. В нём не хватало случайности.

Эсма опустила взгляд на соль. Её пальцы остались на краю чаши; она не торопилась их убирать, хотя от сапфирового отблеска кожа выглядела почти прозрачной.

— Иллан, кем ты называешь себя, когда рядом нет ни Братства, ни Шпилей? — спросила она.

Он задумался. Задержка была короткой, но Аэлита узнала в ней ту же паузу, что услышала у входа, когда женщина попросила его назвать своё имя.

— Тем, кто дошёл до этого места.

Сапфировый столб остался прежним — холодным, прямым, безупречно ровным.

Эсма дождалась, пока шорох на стенах вновь станет различим.

— Это отвечает, где ты, — сказала она. — А я спросила, кто.

Иллан посмотрел в чашу, как привык смотреть на древние письмены: будто точность ответа можно было вычислить по сочетанию знаков. На мгновение Аэлита увидела перед собой прежнего архивариуса и мучительно захотела, чтобы он вспомнил, зачем когда-то читал чужие истории.

— Во мне звучит Изначальная Нота, — произнёс он. — Я прошёл Шпили и разрушил Синхрон. Я веду их ниже, потому что могу открыть путь.

Торн чуть поднял голову на слове «их». Аэлита тоже услышала: Иллан сказал о спутниках так, будто сам уже не шёл рядом с ними.

Из чаши не поднималось ни тепла, ни нового звука.

Тонкий свет не изменился. Ни одна из человеческих насечек на ближайшей стене не ответила ему; между чашей и рядами имён оставалась тёмная полоса.

— Ты перечислил, что умеешь, — сказала Эсма. — А когда перестанешь это делать, кто останется?

Иллан сжал левую руку. Не сильно — настолько, что Аэлита увидела знакомый след рубца у большого пальца. Он быстро разжал её, словно удивился собственному жесту.

— Мои поступки тоже принадлежат мне, — сказал он.

— Конечно, — ответила Эсма. — Я не отнимаю их. Но человек больше своего пути, даже когда путь спасает других.

Торн опёрся обеими руками на посох и не вмешался. Аэлита была почти благодарна ему за это.

Аэлита поняла, что Иллан ищет ответ впервые не во внешнем мире и не в устройстве силы. Его просят найти человека, который существовал до всех побед и не исчез вместе с ними. И она не знала, сможет ли он вспомнить этого человека.

Иллан молчал. На поверхности соли не возникло ни малейшей дрожи — и тишина оказалась для него препятствием, с каким он ещё не сталкивался.

Сапфировая полоса лежала у его ног и не касалась стен. Он стоял прямо, но с лица ушло то едва заметное любопытство, которое Аэлита увидела у свежих имён. Здесь не действовало ни одно правило.

Здесь требовалось ответить о себе, а не о дороге.

— Говорит... — начал Иллан. Первое слово застряло: он уже открыл рот для следующего и остался молчать.

За спиной Аэлиты поскрипела чья-то обувь. Этот обыденный звук резанул сильнее внезапной тишины Иллана: всё остальное в Доме продолжалось, пока он не мог договорить одну фразу.

Он стоял там, где камень прежде всегда узнавал его и открывал дорогу. Теперь тысячам чужих имён нечего было ему ответить. Аэлита хотела окликнуть его, но здесь чужого ответа было недостаточно.

Эсма положила ладонь на чашу. Она дала Иллану ещё один вдох — и лишь после этого накрыла пальцами светящуюся соль. Сапфировый столб погас.

— Ты не пуст, — произнесла она. — Я услышала, как ты остановился. Только не спеши считать остановку поражением.

Она посмотрела не на чашу, а на него.

— А пока в твоём ответе больше дороги, чем тебя самого. Там, ниже, это будет опасно.

Чей-то ребёнок тихо спросил мать, почему огонь погас. Она наклонилась, что-то сказала ему на ухо; их шёпот вернул залу обычный человеческий звук.

— Глубина легко пользуется твоим умением находить верный ход, — сказала Эсма Иллану. — Но гораздо меньше понимает всё, что заставит тебя сойти с него ради другого человека.

Аэлита не выдержала молчания:

— А если он уже забыл, ради кого когда-то сворачивал с дороги?

— Тогда напомните ему, — ответила Эсма. — Только не списком его побед. Имя должно прозвучать от живого человека, которому он дорог. Иначе оно снова станет приказом.

Аэлита взглянула на Иллана и впервые увидела, что он смотрит не на чашу, а туда, откуда прозвучал её голос.

Он не выглядел устыженным. Лишь стоял с чуть приоткрытой рукой, как будто прежде держал что-то и только сейчас обнаружил пустую ладонь. Она сделала шаг, и он не отступил.

Она решила пока не искать слов для увиденного. Нужно было, чтобы он просто вышел из круга к ним.

— На сегодня хватит, — сказала Эсма. — Нижний проход останется закрытым до утра.

Она посмотрела на Иллана с той же неумолимой трезвостью.

— Поговори с теми, кто помнит тебя не только Ткачом, — сказала она Иллану. — Если ты сам не можешь найти ответ, не отказывайся от их памяти.

Аэлита уловила, как Иллан посмотрел на Торна, затем на неё. Этого было недостаточно, чтобы назвать случившееся надеждой, но впервые за вечер его взгляд искал не дверь и не путь.

Люди разошлись к привычным делам. Заслонки янтарных светильников одна за другой открывали, на мостках снова зашуршали подошвы. Кто-то убрал с круга деревянный ковш, оставленный перед обрядом. Чёрная чаша оставалась погашенной, но тишина вокруг неё уже не походила на пустоту: вечер продолжался, и этот Дом умел жить даже после тяжёлого ответа.

Эсма отвела Братству сухую нишу у дальней стены. На камне лежали плотные свёрнутые покрывала, а у входа стоял кувшин с водой. Их приняли как путников, которым нужны ночлег и время, — не как победителей и не как пленников.

Аэлита помогла Торну опуститься на скамью, отставила его посох так, чтобы он мог легко найти древко в темноте, и прислонила к стене собственный меч. Лишь тогда усталость ударила в ноги. Она села рядом и несколько секунд смотрела на пыль в складках сапога: от Синхрона сюда дошла даже она. А Иллан, стоявший в круге без ответа, казался теперь дальше того пути, который они проделали вместе.

За занавесью звякнула глиняная крышка, кто-то позвал ребёнка к ужину, зашуршала подаваемая из рук в руки посуда. Аэлита подумала о том, как давно ей не доводилось слышать мир, в котором люди заняты не спасением, а ужином.

Торн некоторое время прислушивался к шагам уходящих жителей. Потом коснулся рукой края скамьи, нащупывая, где сидит Аэлита, и заговорил:

— Не спеши хоронить его из-за одной неудачи.

Аэлита коротко усмехнулась, не поднимая головы.

— Неудачи? — Она указала подбородком в сторону круга и тут же вспомнила, что Торн её не видит. — Там, у чаши, он не смог назвать себя. Это видели все. Ты сам слышал.

— Именно, — отозвался Торн. — Слышал, как он запнулся. Когда глубина брала людей целиком, они говорили гладко, без всякой задержки.

Аэлита повернулась к нему, упираясь ладонями в край скамьи.

Посох лежал поперёк колен Торна. Он водил пальцем вдоль старой трещины, будто проверял, не раскололась ли она за день ещё дальше. Говорил без прежней инквизиторской уверенности; каждая фраза словно требовала от него выбора.

— В нём осталось сопротивление, — сказал Торн. — Меньше, чем прежде. Тише, чем нам хочется. Но чаша не приняла гладкого ответа. Разве это не значит, что он ещё может возразить тому, что поднимается из глубины?

Она несколько раз провела большим пальцем по шероховатой кромке скамьи. Хотелось верить Торну, но поверить означало снова принять риск.

— И ты считаешь, он сможет вернуться к себе?

— Я этого не знаю, — сказал Торн. — Я даже не уверен, что он был прежним после Синхрона.

— Но если бы борьбы не было, мы не услышали бы этой паузы, — продолжил Торн после молчания, водя пальцем по трещине в посохе. — Значит, у нас ещё есть время не молчать рядом с ним.

Аэлита не успокоилась. Однако его слова дали ей дело, с которым можно было справиться хотя бы сегодня: остаться поблизости и не требовать немедленного чуда.

Иллан стоял по другую сторону зала, у западной стены, где имена теснились плотнее всего.

Он не пытался уйти от них в темноту: просто выбрал место, где шёпот был слышен особенно ясно. Одна за другой у его плеча вспыхивали свежие строки; он не касался их, но прослеживал каждый отклик взглядом. В какой-то миг к стене подошёл мальчик с чашкой воды

и осторожно обошёл Иллана, будто тот был частью кладки. Иллан неожиданно показался ей одиноким.

— А мне хочется его встряхнуть, — призналась она Торну.

— Я слышу по твоему голосу.

— Он стоит так, будто ничего не случилось. — Аэлита сорвала сухую нитку с края плаща. — Если бы он хоть раз рассердился, я бы поняла, что у него внутри.

— Ты сама только что рассказывала, сколько лет пряталась за мечом. — Торн чуть повернул лицо к ней. — Позволь ему не сразу научиться говорить иначе.

— Я боюсь, что однажды он скажет всё правильно — и мы даже не заметим, что говорить уже некому, — тихо призналась Аэлита. Торн нащупал её ладонь и коротко сжал. На этот раз он не стал отвечать притчей.

Некоторое время она держала руку в его ладони, чувствуя шероховатые мозоли от посоха. Потом осторожно освободилась.

Из боковой ниши донёсся детский плач. Женщина не стала его унимать торжественной песней: тихонько сказала что-то о тёплом хлебе, и плач оборвался всхлипом. Аэлита поняла лишь часть слов, зато ясно услышала, как в них вернулась обычная жизнь, для которой не требовалось разрешения глубины.

С другой стороны подошла Эсма. На её руках всё ещё блестела чёрная соль.

— Он ещё с нами, — сказала Эсма, проследив взглядом направление, в котором сидела Аэлита. — Не целиком так, как прежде. Но он слышал вопрос. Другой на его месте мог бы только повторить титулы.

Торн поднял голову.

— Случалось, что кто-нибудь возвращал своё имя после такого обряда? — спросил Торн.

Эсма провела пальцем по полоске записей на запястье. Несколько мгновений она рассматривала знакомые знаки, хотя явно знала их наизусть.

— Случалось, — сказала она. — Но не с такой силой. Однажды к нам пришёл судья, помнивший все приговоры и ни одного лица. Он остался на зиму и помогал носить камень. Имена людей возвращались к нему во время работы, не в круге. Глубина умеет обращать дар в ловушку.

— Значит, нам надо придумать для него какое-нибудь простое дело? — спросила Аэлита, поднимаясь со скамьи.

— И что нам делать?

— Не придумывать ему новое назначение, — ответила Эсма. — Позвольте ему помогать там, где он сам захочет. Просите о том, что можете разделить с ним. И говорите правду, даже когда он отвечает вам как справочник.

— Он всё равно будет искать правильный ответ, — сказала Аэлита.

— Пусть ищет. А вы рассказывайте ему, что иногда вопрос задают не ради ответа, — сказала Эсма и поправила ленту на запястье. — Это бывает трудно объяснить тем, кто привык спасать мир.

Хранительница вернулась к западной стене: в ряду надписей погасло одно имя, и старый резчик уже звал её жестом.

Аэлита смотрела, как Эсма склоняется над потускневшей строкой. Спасти мир оказалось легче, чем объяснить одному человеку, зачем оставаться у чьей-то постели или чинить сломанную чашку. И всё же её пугала не трудность такого дела. Она боялась, что сама за долгую дорогу почти разучилась просить Иллана о чём-либо, не связанном с опасностью.

Торн негромко стукнул посохом по краю скамьи, чтобы привлечь её внимание.

— Пойди поговори с ним.

— О чём? О том, почему чаша не приняла его? — Аэлита покосилась на Иллана. — Он и сам это понял.

— Не об испытании. Расскажи ему что-нибудь, что произошло с тобой сегодня и чего он не заметил. Или спроси, помнит ли он обыкновенную вещь. Не лечи его. Побудь рядом.

Ей захотелось возразить, что у Иллана вряд ли осталось место для обыкновенного. Но перед глазами встал мальчик с чашкой, осторожно обошедший его у стены. Аэлита вспомнила, как в прежние дни Иллан умел расспрашивать путников о мелочах, которые другие не замечали. С этого и стоило начать.

Она пересекла зал не спеша, придерживая плащ, чтобы не зацепить скамью с кистями.

Иллан продолжал смотреть на имена. Но когда она приблизилась, чуть сдвинулся, освобождая ей место у стены. И, не оборачиваясь, заговорил:

— Ты всегда ступаешь тяжело, когда злишься, — сказал он. — Особенно на ровных плитах.

— Значит, ты всё-таки замечаешь, как я хожу. А ты сам здесь что делаешь?

— Слушаю, — ответил он. — Здесь имена звучат по-разному, даже когда их пишут одинаково.

Аэлита усмехнулась и встала рядом, не торопясь продолжать разговор. Это было больше похоже на того Иллана, которого она знала до Синхрона: он всё ещё умел замечать чужие различия.

Между ними осталась ширина ладони. Этого оказалось достаточно, чтобы не чувствовать себя ни слишком близко, ни одиноко.

В нижних рядах резьбы соседствовали уверенные и неловкие буквы. Одну строку вырезали так глубоко, что в неё попадала тень даже при полном свете; другую, детскую, пришлось поправлять взрослой рукой. Иллан внимательно прислушивался к каждому из этих несовпадающих откликов. Здесь ему не нужно было делать их одинаковыми.

— Что-нибудь понял? — спросила она. — Не о дороге. О людях здесь.

Иллан указал на почти стёртое имя у нижнего края стены. Аэлита присела, чтобы рассмотреть его: надпись была восстановлена не одним резцом, а многими.

— Их работа не бывает закончена, — сказал он. — И всё же они возвращаются к ней каждый день.

— Тебя это удивляет?

Он едва заметно качнул головой.

— Они не могут удержать имя одной волей. Им нужны другие люди. Я всё время считал это слабостью.

Аэлита подняла на него глаза. Он не произнёс ни слова о Ноте, Шпилях или грядущем пути. Это и удивило её сильнее самого признания.

— Я тоже так думала, — сказала она. — Когда Ион был маленьким, мне казалось: если буду достаточно сильной, ничего с ним не случится.

Иллан повернулся к ней. Его взгляд задержался на её руках — на фиолетовых шрамах, которые после обряда ещё едва заметно светились. Он подвинулся ближе, отгораживая её от холодного края плиты.

— А теперь? — спросил он.

— Теперь знаю: одного человека не хватит, чтобы защитить всё, что он любит. Даже если он очень старается.

Он опустил взгляд на восстановленную надпись. Некоторое время они читали её вместе, разбирая слабые линии; Аэлита подсказала ему почти стёртую букву, и он повторил имя за ней — осторожно, без попытки изменить звук.

— Ты помнишь, кем был до того, как стал Ткачом? — спросила она наконец.

— Отчасти, — проговорил Иллан после паузы. — Я помню несколько вещей. Но уже не знаю, как отличить их от рассказов обо мне.

Дом готовился ко сну: у печи звякнула крышка, в нишах зашуршали покрывала. У западной стены Эсма сидела рядом с Иарой и тихо повторяла за нею обрывок какого-то воспоминания. Та всё ещё не могла произнести имени сына, но теперь искала его не одна.

Из дальней ниши донёсся старческий женский голос. Он был так слаб, что Аэлита сначала приняла его за шелест ткани.

Старуха не пела и никого не звала на помощь. Она всего лишь произнесла чьё-то имя — устало, бережно, как говорят человеку, который давно уснул рядом.

Звук не исчез. Ближайшая стена подхватила его: сначала один резной знак засветился на долю мгновения, потом второй. По залу прошёл слабый, тёплый отзвук и затих. Аэлита так и не разобрала имя, но увидела, как у пальцев Иллана дрогнула жилка.

Она повернулась к нему: он вслушивался, чуть наклонив голову, как прежде над редким манускриптом.

В этой позе ей неожиданно вспомнился Иллан до великих дорог — человек, которому было важно понять, почему в старом тексте кто-то зачеркнул одно слово и написал рядом другое. Теперь он вслушивался в чужое имя внимательнее, чем в зов новых врат.

Голос стих. Иллан ещё некоторое время смотрел туда, где стояли ряды имён, а затем опустил руку, которую сам не заметил поднятой.

За тканевой завесой негромко скрипнула скамья. Кто-то провёл пальцами по камню, проверяя последнюю насечку, прежде чем уйти ко сну.

— Не спрашивай меня, что я услышал, — произнёс Иллан; голос его прозвучал тише обычного.

— И не собиралась, — ответила Аэлита. — Но завтра ты расскажешь, если захочешь.

Они пошли к своей нише вместе. Иллан не ускорял шага, как делал прежде, и Аэлите впервые за долгое время не пришлось догонять его. Снизу по-прежнему шёл древний гул, но здесь, между стенами с именами, у него появился человеческий противовес.

Ниже янтарного света начинались мосты Срединных Чертогов. Им предстояло вернуться туда на рассвете; до тех пор Дом Памяти продолжал тихую, упрямую работу — не позволял миру забыть, кто в нём живёт.

ГЛАВА 3. Монастырь Непогашенных Имен

Дом Памяти был внешним именем обители. За жилыми уступами, куда хранители пропускали только тех, кому доверяли, начинался Монастырь Непогашенных Имен. Там хранили не вещи умерших, а то, что могло исчезнуть даже при живых свидетелях: их имена.

Ночью название казалось особенно верным. Верхний свет гасили, оставляя в чашах узкие янтарные язычки: их хватало, чтобы различать проходы и не тревожить спящих.

Между уступами тянулись длинные полосы полумрака. Аэлите несколько раз казалось, что зал опустел, однако за перегородкой кашлял старик, где-то переставляли сосуд с водой, рядом женщина шёпотом уговаривала ребёнка лечь на другой бок. Здесь ложились спать, оставив на столах незаконченные строки имен. Работа продолжалась и тогда, когда руки уже не могли держать резец.

Аэлита лежала на тёплом камне и не могла уснуть. Ноги после переходов ныли, в плече тянуло старую рану. Стоило закрыть глаза — перед ней возникали чаша, сапфировый свет и тот миг, когда Иллан вместо ответа о себе назвал свои дороги и победы. Она слышала его голос по-прежнему отчётливо; страшнее всего было то, что он и сам, кажется, понимал, какой ответ от него требовался.

Она не считала его молчание поражением. Поражение можно признать, пережить и оставить позади. Здесь же обнаружилось место, о котором никто из них прежде не знал: туда, где должно было отозваться имя, Иллан ещё не умел вернуться.

Она приподнялась на локте. Торн задремал сидя, удерживая посох поперёк колен: стоило кому-то пройти за тканевой завесой, его пальцы чуть двигались по древку. На другом краю ниши Иллан сидел лицом к дальнему выходу. Плащ у его плеча давно перестал шевелиться; Аэлита уже не сомневалась, что он не спит.

Она собиралась спросить, что он услышал у стены после обряда, когда ткань у входа приподнялась. За пологом стояла Эсма; от короткого движения её руки на камне скользнула полоска янтарного света.

Хранительница вошла без светильника. Она оглядела нишу, отметила посох на коленях Торна и открытые глаза Иллана, затем задержалась у покрывала Аэлиты. По выражению её лица было ясно: время для ночлега закончилось.

— Поднимайтесь. До нижнего рассвета нам нужно добраться до скриптория.

Торн уже держал посох обеими руками. Он выпрямился, проверил ногой край уступа и только после этого встал.

— Уже?

— Пока нижний ритм не набрал силу, голоса ещё различимы, — объяснила Эсма. — Потом они накладываются друг на друга. Вы должны услышать, как их удерживают здесь.

Иллан молча поднялся, застегнул плащ и отступил к выходу, пропуская остальных.

Аэлита заметила этот маленький сдвиг: раньше он уже шёл бы впереди и только потом убедился, что спутники следуют. Теперь он стоял у занавеси, придерживая её край. Ей хотелось спросить, было ли это сознательным решением. Она не стала: слишком легко было испортить чужой первый, ещё неуверенный шаг попыткой немедленно его объяснить.

Дом Памяти спал не целиком.

На нижних уступах потрескивали печи. Женщина растирала соль в ступке, и каждый удар пестика отзывался под сводом. Двое подростков смывали с камня остатки старого пигмента; рядом седой резчик углублял имя, по частям возвращая исчезавшую букву. Один мальчик с ведром задержался, увидев Иллана, но не отступил. Только сильнее стиснул ручку, оставив на ладони мокрый след.

Эсма провела их мимо жилых ниш и кухни. Сначала исчез запах хлеба, затем — натянутые между стенами верёвки с выстиранной одеждой. Имена на стенах теснились всё плотнее; некоторые строки уходили под пол, а новые пластинки крепились поверх старых на железных скобах. Здесь память не была украшением стен. Ей приходилось искать место, как растущему городу.

Коридор сузился настолько, что Аэлите пришлось повернуть меч на пояс боком. Впереди резчик перестал стучать, и слышен стал только шорох подошв. За аркой проход раскрылся в высокий зал; Аэлита остановилась на пороге, пропуская мимо себя тепло от светильников.

Галереи шли по стенам в два яруса, узкие, без перил. На длинных чёрных столах лежали каменные пластины всех оттенков — от молочного до почти золотого. На одной буквы были намечены красным порошком, другую обрабатывали тонким резцом; возле третьей стояла чашка с водой, чтобы мастер мог смыть пыль и проверить глубину штриха. Здесь не выставляли имена на обозрение: здесь изо дня в день спасали их от распада.

Люди работали молча, и по возрасту их можно было узнать прежде всего по рукам. Юноша в плотном переднике шлифовал край белой плиты тёмным камнем; под его локтем стоял сосуд для крошки, чтобы она не попала в готовые насечки. Девушка переносила имя с ткани на серую пластину. Она останавливалась после каждой буквы, тихо произносила слог и проверяла, не ошиблась ли. У дальней стены трое пожилых хранителей читали строки по очереди, пока четвёртый, слушая их, завершал резьбу. Никто не спешил, хотя работой были заняты все столы.

За белыми плитами семеро хранителей стояли лицом к высокой стеле. Их серо-соляные одежды не отличались от одежды остальных работников, только на запястьях были намотаны длинные полоски ткани с именами. Между ними сохранялось небольшое свободное место — для того, кто должен был начать очередную строку. Старший коснулся края стелы, ожидая, пока остальные поднимут головы.

Они начали нараспев. Старческий низкий голос давал первому имени опору, затем вступали двое женщин, и после них — молодые хранители. Один из молодых сбился на вдохе, соседка оставила ему место и дождалась следующего слога. Никто не подгонял другого. Аэлита вспомнила хор Синхрона, где запоздавший голос немедленно выравнивали, и поняла разницу: здесь несовпадение берегли наравне с точностью.

Слова были просты:

Не уходи без имени.

Не стань дыханием без лица.

Кто был любим — будь назван.

Кто был ранен — будь назван.

Кто забыт живыми — будь найден в камне.

Кто тонет в белой тишине — держись.

Мы не зовём тебя в цепь.

Мы не зовём тебя в приказ.

Мы зовём тебя к себе.

К боли, что помнит.

К руке, что не отпустила.

К голосу, где ты ещё жив.
Имя — не знак.

Имя — огонь под пеплом.

Имя — дверь, что открывается изнутри.

Имя — дом, который нельзя построить за другого.

На последнем стихе пожилой хранитель прижал пальцы к свежему имени. Пальцы дрожали; ему пришлось подпереть запястье другой рукой. Он удерживал прикосновение до тех пор, пока последний слог не угас в камне.

Аэлита потёрла большим пальцем старый рубец на ладони. Ей вдруг вспомнилось, как она проверяла дыхание Иона по ночам, едва касаясь его плеча: достаточно было слабого движения под одеялом, чтобы отпустить страх ещё на несколько часов.

Пение оставалось неровным. Старый бас на длинном имени опустился почти до шёпота, а один из юношей дважды набрал воздух не вовремя. И всё же работа шла: старик удержал слово, девушка рядом подхватила его, другие не заглушили слабого голоса. Аэлита впервые увидела, что здесь сам способ петь был защитой от власти единого ритма.

Торн остановился.

Торн слушал, чуть наклонив голову к стеле. Он различал место, где резец запаздывал за слогом, и осторожное шуршание рукава, когда старик поправлял руку. Для него литания была не бесплотным гулом: он слышал людей, которым давалась эта работа.

— Они не молятся, — сказал он. — Они держат стену.

Эсма кивнула.

— У нас это ежедневный труд, — ответила Эсма. — Если пропустить даже одну часть, завтра удержать её будет труднее.

Она, не оборачиваясь, указала на зал:

— Это главный скрипторий Непогашенных, — сказала Эсма, когда они отошли от стелы. — Во внешнем Доме укрепляют имена, пока родные ещё могут их произнести. Сюда приносят те, которые почти не отзываются. Мы записываем их с нескольких голосов: один хранитель помнит звук, другой — лицо, третий — то, как человека звали дома.

Она посмотрела на стену, где ещё дрожала последняя строка литании.

— Без живых свидетелей имя начинает меняться, — продолжила она. — Сначала теряет мелкую неточность произношения, потом — те особенности, по которым родные узнавали человека издалека. Внизу это называют очищением. Мы видели, чем оно заканчивается.

Аэлита удержала руку на ремне меча. Под пальцами была знакомая кожа — шов, который она однажды сама перешивала в дороге. Ей захотелось спросить не о камне.

— Если имя выговарят без всего, что в нём было личного, человек это почувствует?

— Иногда ещё успевает, — сказала Эсма. — Он слышит, что его зовут, и не узнаёт обращение. Потом перестаёт замечать разницу. Тело может прожить долго после этого.

Торн провёл ладонью по собственному горлу, словно проверял цену услышанного.

— Так вот чему служит монастырь.

— Пока вы видели только его мастерскую, — ответила Эсма. — Пойдёмте к Корню.

Она повела их дальше.

Под следующими арками воздух менялся. Соль хрустела в швах плит; из щели под дверью тянуло слабым травяным дымом. Хранительница приглушила шаг, обходя ряд незакреплённых

пластин. Аэлита заметила их только теперь и потянула Торна за рукав прежде, чем его посох коснулся кромки. Он коротко поблагодарил её прикосновением к запястью.

Иллан останавливался у старых стел дольше, чем у новых. У одной он провёл глазами по трижды переписанному имени и наклонился, чтобы рассмотреть несовпадающие буквы. Аэлита наблюдала за ним уже без прежнего желания немедленно отыскать признак холодности: он задержался над чужой ошибкой, потому что хотел понять, кто её исправлял.

На последнем уступе Эсма остановилась и отворила невысокую арку. Аэлита шагнула следом — и поняла, ради чего им пришлось пройти через весь скрипторий.

Перед ними открылся внутренний двор монастыря.

Каменный купол уходил в темноту так высоко, что верхних жил не было видно. Внизу, в кольце бледных светильников, стояло большое дерево. Ветвей у него было достаточно для целого сада, однако ни один лист не нарушал белизну ствола.

Дерево было белым, почти костяным. Ветви поднимались сотнями ломких линий; на каждой висели каменные пластинки, от серых до золотистых. Издали они напоминали листья, но вблизи Аэлита разобрала на них имена — по одному на каждой. Тысячи маленьких грузов держались на тонких петельках, и кое-где ветви под их тяжестью были усилены тёмными подпорками.

Пластинки постукивали друг о друга в тёплом движении воздуха. Торн остановился, повернув лицо к самой низкой ветви, и стал слушать: он различал грубый удар недавно подвешенной плиты, высокий звон тонкой старой и совсем слабый отклик из глубины кроны. Аэлита увидела, как у основания дерева женщина подтягивала ослабевший шнур. Одно имя перестало звенеть — и женщина принялась поправлять подвеску, пока не вернула ему голос.

Крона отвечала тысячью несовпадающих звуков. На мгновение Аэлита представила её настоящей, зелёной, с летним шелестом над головой. Но здесь листья не выросли сами: за каждым именем кто-то должен был следить, менять шнур, очищать борозды и помнить, какой голос однажды принадлежал этому человеку.

Аэлита подошла к самому краю круга светильников. У одной пластинки была обломана нижняя кромка, а за нею висела новая, чуть светлее; старую не выбросили. Она вытянула ладонь и остановила её в нескольких пальцах от камня.

Она привыкла мерить цену защиты собственной выносливостью. Здесь за спасением стоял совсем другой счёт: сколько раз чужой человек придёт к дереву, починит ослабший узел, повторит голос, которого сам никогда не слышал. Её смутило, как мало похож этот труд на подвиг — и как много он требовал.

— Корень Имён, — произнесла Эсма. — Когда одного человеческого голоса уже недостаточно, имя переносится сюда. Снимаем пластинки для работы по очереди. Если перестанет звучать и дерево, нижняя тишина получит их быстрее нас.

Торн опёрся на посох, стараясь не заглушать тонкого звона.

— Сколько рук нужно, чтобы это не умолкло...

— Столько, сколько найдётся, — ответила Эсма. — Иногда за одним именем ухаживает целая семья, а иногда — только тот, кто дежурит сегодня.

Иллан подошёл к основанию дерева. Несколько мгновений изучал неподвижные белые корни, уходившие в плиты двора, а затем спросил:

— Это дерево когда-то росло здесь живым?

Аэлита обернулась к нему. Вопрос касался простой вещи — древесины, земли, прошлого, — и ей вдруг захотелось услышать весь ответ. Раньше Иллан спрашивал о том, как открыть путь. Теперь сам выбрал то, к чему не было ключа.

Эсма посмотрела на белые ветви.

— Когда-то росло, — сказала Эсма. — Здесь древесина постепенно высохла, но ствол выдержал вес первых пластин. Потом имён стало больше; пришлось укреплять ветви, заменять шнуры. Мы помним и то, каким дерево было, когда на нём ещё держались листья.

Аэлита оглянулась на Иллана: он смотрел уже не на верхушку, а на тёмную подпорку под перегруженной ветвью.

Он коснулся подпорки пальцами и убедился, что та прочно сидит в пазу.

Она знала это движение. Так Иллан проверял крепления мостов, прежде чем позволить другим на них вступить. Аэлита вдруг увидела сходство с деревом — и отвернулась, не желая превращать живого человека в ещё один знак необходимости жертвы.

Дерево выдерживало свою тяжесть только потому, что рядом оставались люди с верёвками и подпорками. А Иллан всё ещё пытался делать то же самое в одиночку. Она могла спорить с его выбором, но теперь впервые подумала о простом: можно ли помочь ему удержать груз, не отнимая у него права идти самому?

Эсма заметила, как она смотрит на ствол, но не стала спрашивать. Вместо этого указала на дальнюю часть двора.

— Перед спуском вам надо поговорить с Матерью Корня. Без её согласия никто не проходит в нижние ярусы. Она решает не по силе дара, а по тому, что человек ещё способен удерживать.

— Мать Корня? — переспросила Аэлита.

— Старшая хранительница, — ответила Эсма. — Она помнит имена, которых уже нет ни на одной внешней стене.

Она указала на дальний конец двора.

За деревом, под скошенным сводом, была низкая тёмная дверь. У порога лежал плоский камень, отполированный шагами; на ручке виднелись следы множества ладоней. Аэлита заметила на полу неглубокую борозду, в которой обычно задерживалась пыль: створку часто открывали и закрывали, хотя отсюда она казалась неприметной.

Торн остановился, прислушиваясь к пустоте за дверью. Иллан положил ладонь на ремень сумки, Аэлита поправила съехавшие ножны. Никто не мог сказать, чего от них потребуют, но все трое готовились каждый по-своему.

Они пересекли двор молча.

По дороге к двери одна из пластинок тихо ударилась о соседнюю. Аэлита обернулась: женщина у ствола всё ещё чинила подвеску и, не поднимая головы, попросила кого-то подать ей узкий шнур. За спиной Братства продолжалась работа. Этот будничны́й звук удержал Аэлиту от привычного желания идти навстречу неизвестному как в бой.

Она догнала Торна, который шёл осторожно, сверяя каждый шаг с посохом. Между ними оставалось расстояние вытянутой руки. Ей хотелось сократить его, но старец ещё держался уверенно и не любил, когда помощь превращалась в недоверие.

Дверь была низкой и тяжёлой. По тёмному камню проходили тонкие серебристые жилы; возле ручки была выбитанеглубокая выемка в форме ладони. Эсма вложила туда руку и дождалась тихого щелчка изнутри.

Створка сдвинулась, пропуская сперва узкую полоску бледного света. Изнутри пахло сухой солью и травами. За дверью тянулись длинные покои с несколькими последовательно расположенными сводами.

В правой стене каждая ниша хранила одну высокую плиту; резьба на некоторых именах уходила в камень почти на толщину пальца. Слева стояли столы с чашами пигмента, сложенными тканями, тонкими ножами и кистями. Рядом с последним столом лежала растёртая в порошок старая пластинка: её не выбросили, пока не закончили переписывать имя. Свет стал белёсым, и Аэлите пришлось заморгать после янтарных залов.

В дальнем своде у стены сидела женщина. Сначала Аэлита увидела её руки, лежавшие на широких подлокотниках белого каменного кресла, затем седые волосы и пристальный, спокойный взгляд.

На вид она была очень стара: узкие плечи, тонкая кожа, волосы, собранные на затылке и свободно падавшие на одежду. Но в том, как она смотрела на входящих, не было ни снисхождения, ни усталой отрешённости. Она отмечала сначала шаги, потом лица — всё, что люди обычно выдают прежде слов.

— Эсма, — произнесла женщина. Голос был низким, с чуть сухим верхним призвуком. Хранительница поклонилась, а Аэлита поняла по её движению, что перед ними Мать Корня.

Старуха не поднялась. Она положила пальцы на край подлокотника и медленно оглядела всех троих. Аэлита ощутила на себе этот взгляд, когда он дошёл до шрамов у запястий, и невольно расправила пальцы: скрывать было поздно, оправдываться она не собиралась.

Эсма склонила голову.

— Из восточных переходов, — сообщила Эсма. — Они были в Синхроне при его падении. Шпиль очищен. Им нужен нижний путь, но испытание у чаши удалось не всем.

Мать Корня оглядела их ещё раз, теперь задерживаясь дольше. В комнате было слышно, как кто-то переворачивает каменную пластину за соседним сводом.

Сначала она повернулась к Торну. Старик стоял прямо, но посох заметно принимал на себя часть веса. Затем к Аэлите: у неё меч висел слишком низко и задевал бедро. Только после этого старуха посмотрела на Иллана. Аэлита не стала придумывать тайного смысла в этом порядке; ей было достаточно, что Мать Корня видит каждого по отдельности.

— Значит, восточные люди снова сами выбирают, — сказала Мать Корня.

— Учатся, — поправил Торн. — Многие ещё не верят, что это возможно.

— А вы заплатили за это, — произнесла она, переводя взгляд на его посох.

— По-разному, — ответил старец, проведя большим пальцем по трещине.

Её взгляд остановился на руках Торна, затем на шрамах Аэлиты и наконец на рукояти её меча. Аэлита слегка отодвинула ножны: в тесной комнате они мешали развернуться.

— Ты всё ещёходишь в любое место с готовым ударом, — заметила старуха.

— Привычка сохранила мне жизнь, — ответила Аэлита. — И не только мне.

Старуха наклонила голову, принимая её возражение.

— Тогда не давай привычке выбирать вместо тебя. Придёт день, когда нужно будет оставить меч в ножнах.

Аэлита посмотрела на меч. Мать Корня угадала неприятную правду: иногда она хваталась за оружие раньше, чем успевала решить, чего именно боится. Возразить было нечем.

Она кивнула без покорности: услышала, но ничего не обещала.

Тогда Мать Корня наконец повернулась к Иллану.

Старуха отодвинула тонкую пластину, лежавшую у неё на коленях, и полностью обратилась к Иллану.

Иллан выдержал её взгляд. Но рука, лежавшая у пряжки плаща, слегка отошла от тела, и Аэлита вспомнила, как он стоял вчера у чаши, не сумев закончить ответ. Здесь перед ним не было ворот, которые можно открыть усилием, — только чужой человек, способный услышать то, что он предпочёл бы оставить без имени.

— Ты прошёл далеко, — сказала Мать Корня. — А теперь скажи, куда торопишься.

— К источнику того, что осталось после Синхрона. Если мы опоздаем, оно успеет принять форму.

Старуха чуть приподняла бровь: ответ был ожидаемым.

— Ты умеешь назвать опасность. Сумеешь ли назвать причину, по которой сам должен к ней идти?

Иллан задумался над вопросом, не переводя взгляда на Эсму.

— Когда тебя в последний раз звали просто Илланом — без надежды, что ты откроешь дверь или найдёшь ответ? — спросила Мать Корня. — Вспомни, кто это был.

Аэлита вспомнила, как по дороге через Синхрон звала его, желая не помощи, а отклика. Тогда он оборачивался не всегда. Сейчас ей хотелось самой подсказать ответ, назвать прежние голоса и лица. Но он должен был услышать их из своей памяти, иначе разговор превратился бы в ещё один приказ. Торн перенёс вес на другую ногу; от посоха коротко скрипнул камень.

— Я не прислушивался к этому, — сказал Иллан после долгой паузы. Он произнёс фразу осторожно, словно проверял, не подменяет ли признание новым объяснением.

— Тогда вспомни, — сказала Мать Корня. — Я не прошу тебя сейчас ничего доказывать.

На соседнем столе зашелестела ткань: Эсма расправляла свёрток с блеклыми буквами. Аэлита поймала себя на желании следить за её руками, лишь бы не смотреть, как Иллан ищет простое воспоминание.

Он видел раньше, как из камня растёт мост и как рвётся чужой ритм. Но стоило спросить его о человеке, который когда-то называл его по имени, и точные знания оказались бесполезны. Аэлите хотелось отвести взгляд и одновременно не пропустить ни одного движения его лица.

— Мне вспоминается голос, — произнёс он наконец. — Но я не могу сейчас назвать, чей.

— Что ты в нём узнаёшь?

Он провёл рукой по шву плаща. На этом месте ткань была заштопана ещё до последнего похода, и его пальцы задержались на неровных стежках.

— Меня звали без всякого поручения. Кажется, я тогда рассмеялся.

Он остановился на этом признании и, кажется, сам ему не поверил. Аэлита не знала, кто тогда стоял рядом с ним; память дала лишь краешек обычного дня, но Иллан не попытался вычеркнуть его как ненужный.

Мать Корня кивнула.

— Этого достаточно, чтобы начать, — сказала Мать Корня. — Не превращай воспоминание в отчёт.

Торн поправил посох. Его облегчение выдал короткий стук древка о пол: он тут же замер, чтобы не прервать разговор.

Мать Корня указала на серую пластину в ближайшей нише. Камень был исчерчен по краям, а середина оставалась чистой, если не считать одной строки.

— Подойди.

Иллан сделал шаг.

Аэлита видела с места лишь глубокие борозды букв. По краям плиты расходились тонкие трещины; один угол поддерживала железная скоба, забитая так давно, что металл потемнел от соли.

— Читай, — сказала Мать Корня.

Иллан наклонился к строке. Он провёл по ней взглядом от начала до конца, затем вернулся к первой букве. Аэлита заметила, что рука у него остановилась над камнем, не дотрогнувшись. Кажется, впервые за весь спуск надпись оказалась для него не трудной, а личной.

— Знаки знакомы? — спросила старуха.

Иллан поднял на неё взгляд.

— Я могу назвать каждую букву.

— А человека за ними?

Он снова посмотрел на плиту.

Иллан опустил руку, не коснувшись плиты, и сжал пальцы в складке плаща. Аэлита вспомнила, как у чаши он искал определение для себя. Здесь у него отняли даже это укрытие: слово можно было прочесть, но нельзя сделать чужой судьбой.

— Не могу, — сказал Иллан.

Старуха опустила руку на подлокотник.

— Это ещё не конец. Ты не подменил человека красивой записью. Ты остановился там, где не имеешь права делать вид, будто знаешь.

Торн прислушался к голосу старухи. Эсма едва заметно опустила плечи, и Аэлита поняла: здесь ждали именно такого исхода.

— Внизу всё непонятное предлагают довести до гладкой формы, — продолжила Мать Корня. — Если ты читаешь имя и не узнаешь человека, не придумывай его. За оставленной пустотой ещё можно услышать живого. За выдуманной уверенностью — уже никого.

Мать Корня отвела взгляд от Иллана и посмотрела на всех троих сразу.

— Нижняя дорога для вас не закрыта, — сказала Мать Корня. — Но сегодня вы к ней не пойдёте.

— Мы теряем время, — возразила Аэлита. — Там уже что-то проснулось. Иллан это слышит.

— Именно поэтому вы останетесь до следующего глубинного рассвета, — ответила старуха. — Сила, которую вы ищете, умеет пользоваться каждым незавершённым ответом. Сейчас вам нужно научиться отличать собственный голос от того, что приходит снизу.

Она встала, ухватившись за широкий подлокотник. Старость была настоящей — колени разогнулись не сразу, и Эсма подошла ближе, хотя помощь не понадобилась.

— После отдыха Эсма приведёт вас в Соляной Амфитеатр, — сказала Мать Корня. — Там хранят отзвуки людей, которые почти утратили имя. Это последнее испытание перед нижней дорогой. Спешка не заменит готовности.

Она повернула ладонь к Эсме.

— Покажи им западную галерею. Там можно услышать нижний ритм, не входя в него. До утра не обещайте друг другу того, чего не сможете исполнить.

Эсма склонила голову.

На пороге Аэлита снова оглянулась на серую плиту. Хотелось узнать имя, из-за которого Иллан впервые растерял слова, но Мать Корня уже положила свою ладонь поверх строки. Аэлита прочла в этом жесте отказ — и впервые за день не стала требовать ответа.

— Дальше тебя будут звать так, как им удобно, — сказала старуха Иллану. — Не торопись соглашаться. Береги то, чего пока не умеешь произнести.

Эсма вывела их наружу. Когда дверь закрылась, Аэлита ощутила усталость в спине: всё это время она держалась прямо, готовясь защищать Иллана от вопроса, который должен был прозвучать.

В западной галерее светильники располагались редко. Сквозь узкие проёмы был виден нижний свод Чертогов, где по породе проходили тусклые бело-золотые переливы. Оттуда доносился низкий полый звук, ровный, но меняющийся на концах, как дыхание в большом сосуде.

Эсма указала вдоль стены на ряд низких скамей.

— Побудете здесь до смены ритма. Дальше я отведу вас после отдыха.

Аэлита села, однако по другую сторону пролома слышала сбивчивые голоса. Среди них один раз отчётливо прозвучало имя — будто его пытались вернуть человеку, который больше не мог ответить. Она подняла голову. Монастырь продолжал свой труд даже за этой галереей.

Аэлита поднялась со скамьи. Галерея тянулась вдоль глубинного уступа. Они шли за Эсмой к месту ночлега, огибая участки, где соль выступала на полу острыми наростами.

Слева были стены с древними именами, справа — узкие щели к бело-золотым жилам. Через них поднимался тёплый воздух. Торн шёл, не отрывая наконечника посоха от камня, Иллан прислушивался к гулу, а Аэлита отмечала маленькие площадки, на которых человеку можно было бы перевести дыхание. Она всё ещё думала о словах старухи и не собиралась давать им слишком простой смысл.

Эсма шла впереди.

Торн замедлился на повороте; Эсма подождала, пока он найдёт новую линию стены. Иллан шёл рядом с Аэлитой. После разговора он держал руку ближе к груди, словно берёт то смутное воспоминание, к которому не сумел подобрать имени. Она ничего не спросила.

За следующим поворотом открылась круглая комната. Эсма остановилась у порога, словно не ожидала, что в амфитеатре кто-то уже будет.

Белые соляные ступени спускались к чёрной плите. Со свода свисали прозрачные друзья, светившиеся изнутри, и на стенах стоял бледный, почти зимний отсвет. Плиту пересекала тонкая белая трещина. Возле нижней ступени были сложены покрывала и кувшины с водой — всё приготовленное для тех, кого придётся возвращать отсюда обессиленными.

— Здесь мы обычно работаем после нижнего рассвета, — сказала Эсма. — Удерживаем тех, чьи имена начинают тонуть. Сегодня зал должен был оставаться пустым.

Аэлита успела заметить свежие следы на ступенях. Кто-то прошёл здесь совсем недавно, оставив на соли мокрые полосы.

В боковой арке что-то ударилось о стену. Потом кто-то быстро побежал, неровно задевая подошвами край ступеней. Эсма уже направилась к звуку.

Из прохода выскочил юноша лет семнадцати. Аэлита видела его ночью у стен имён: он помогал переносить плиты, поправляя на ходу рукав, чтобы не запачкать свежую резьбу. Теперь рукав был разорван у локтя, а взгляд беспорядочно скользил по ступеням. Следом спешили двое старших хранителей, один нёс его оставленный пояс.

— Рен! — резко окликнула Эсма.

Юноша не обернулся. Он шагнул к самой кромке верхнего уступа, и Аэлита невольно подалась вперёд, готовая перехватить его за плечо. Но Рен остановился сам, прижал ладонь к горлу и попробовал что-то произнести.

— Я был... там... — выговорил он. — А дальше... кто?

Слово оборвалось. Рен пытался продолжить: губы уже складывались для следующего звука, но лицо стало растерянным, словно он забыл, о ком говорил посреди рассказа о себе.

Аэлита видела испуганных людей после боя и одержимых чужой волей. Рен отличался от них: он не отбивался и не искал помощи взглядом. Его глаза задерживались на собственной ладони, как если бы она принадлежала незнакомцу. Аэлита вспомнила, как Ион однажды проснулся среди ночи и в страхе не узнал комнаты; тогда хватило её голоса. Здесь одного голоса могло оказаться мало.

Старший хранитель медленно приблизился, оставив между собой и Реном два шага.

— Рен, послушай. Это я. Скажи, как тебя зовут.

Рен поднял глаза на старика. Он слышал слова и старался им подчиниться, но от этого становилось только страшнее.

— Знал... утром знал, — прошептал он. — На стене было...

— Не смотри на стену. Скажи сам, — попросил хранитель.

Рен открыл рот, но так и не произнёс ни слога.

На левом виске Рена Аэлита увидела узкую тёмную черту у корней волос. Днём он прикрывал её повязкой. Теперь повязка съехала, и от линии расходились тонкие ответвления, похожие на трещины в глазури. Она хотела спросить, откуда они, но Торн уже спускался по уступам.

Торн нащупал посохом первую ступень и быстро спустился на две, придерживаясь другой рукой за стену. Дальше Эсма остановила его жестом, коснувшись рукава.

— Это отзвук нижней дороги, — сказал старец. — Слишком рано коснулся его. Он удерживает звуки, но перестал узнавать, кому они принадлежат.

Эсма уже спускалась в центр.

— На плиту, — распорядилась она старшим. — Поддержите за локти; ему сейчас нельзя споткнуться.

Двое хранителей осторожно повели Рена вниз. Он не сопротивлялся, но переставлял ноги только после подсказки, как человек, которому приходится заново учиться идти. По ступеням уже спускались другие; одна женщина принесла воду, другая положила у плиты свёрнутую ткань, чтобы Рен не ударился о камень, если потеряет сознание.

— Я могу чем-нибудь помочь? — спросила Аэлита, приблизившись к Эсме.

Эсма уже стояла у чёрной плиты.

— Сейчас нужно, чтобы у него были знакомые голоса. И те, кто выдержит ответить, даже если он их не узнает.

— Я ему чужая.

Эсма быстро посмотрела на неё, затем на Рена.

— Но ты уже не ушла, когда он перестал отвечать. Остайся.

Рена поставили на чёрную плиту. Его пальцы были холодными, хотя в зале держалось тепло. Соль у ног слегка светлела, и от этого его собственная тень становилась всё слабее. Аэлита заметила, как молодой хранитель у нижнего уступа испуганно перевёл взгляд с тени на лицо Рена.

— Я здесь, Рен, — сказала Эсма, положив ладони ему на виски. — Ты в амфитеатре. Под ногами камень. Слышишь мой голос? Не нужно помнить всё сразу.

Юноша моргнул и едва заметно кивнул; взгляд тут же снова ушёл мимо неё.

— Я не могу... удержать, — выговорил он. — Мне кажется, там кто-то другой.

У края круга пожилой хранитель произнёс его имя — не громче, чем звали за общим столом. Второй повторил, стараясь уловить прежнюю интонацию. Потом к ним присоединились женщины с верхних рядов. Между произнесениями оставались короткие промежутки: Рену давали возможность самому услышать обращение и ответить.

Когда круг установился, старший начал литанию. Голос его дрожал на длинных строках, но соседи не перехватывали их прежде времени.

Рен — у края, но не за краем.

Рен — в дыхании, не в пустоте.

Рен — в памяти рук, что держали его.

Рен — в боли тех, кто зовёт.

Не белому шуму.

Не нижней тишине.

Не правильной пустоте.

Живому имени — вернись.

Хранители отвечали только одним словом: «Рен». Каждый произносил его так, как знал юношу. Один — по-стариковски строго, женщина с верхнего уступа — почти ласково, товарищ по мастерской — быстро, как окликают человека с тяжёлой плитой в руках. Имя не делалось ровным. По кругу проходили разные обращения, и каждый давал юноше возможность вспомнить себя в чужой жизни.

Аэлита видела, что хранители не пытаются перекричать друг друга. Они оставляли паузы, следили за дыханием Рена, возвращались к тому тембру, на который он хотя бы слегка поворачивал голову. Это было труднее привычного ей приказа держать строй: никто не мог заранее знать, какой голос поможет.

Торн повернулся к ней, услышав, как она переставила ноги на краю уступа.

— Иди ближе. Он уже слышал твой голос, когда входил сюда.

— Я даже не знаю, как с ним говорят его друзья.

— Тогда не притворяйся другом, — сказал Торн. — Скажи так, как сказала бы тому, кого не позволишь бросить.

Аэлита вытерла о плащ вспотевшую ладонь. Старик был прав не во всём: чужая память здесь оставалась чужой. Но она могла подойти к Рену, пока он стоял один посреди чёрного камня.

Она спустилась на нижний уступ, попросила одного хранителя чуть сдвинуться и встала там, где Рен мог видеть её лицо.

Первый звук застрял у неё в горле. Рен был моложе многих бойцов, которых она хранила, и Аэлита поймала себя на попытке сделать голос слишком твёрдым, командирским. Она заставила себя опустить плечи и произнести его имя без приказа, просто обращаясь к живому человеку.

Она наклонилась так, чтобы он увидел её рот:

— Рен.

Голос прозвучал ниже голосов хранителей; она не пыталась его украшать. В нём слышалась дорожная хрипота, недосып и усилие женщины, привыкшей говорить громче ветра, но сейчас старавшейся никого не испугать.

Рен повернул голову на несколько пальцев шире, чем прежде. Его губы дрогнули, будто он узнал не имя, а сам способ обращения. Эсма заметила движение и кивнула Аэлите: продолжай.

Аэлита повторила имя. Во второй раз она оставила после него паузу — такую, какую всегда оставляла Иону, чтобы ребёнок мог собраться с мыслями и ответить сам. Хранители подстроились не по высоте голоса, а по этой паузе. Несколько ударов сердца никто не говорил; Рен слышал только собственное сбивчивое дыхание и ожидание людей, которые не уходили.

Рен резко вдохнул и схватился за ворот рубахи, будто ткань душила его. Эсма ослабила завязку и не отняла руки от его плеча.

Аэлита увидела, как взгляд юноши задержался на пятне краски у её большого пальца. Он будто хотел спросить, откуда оно взялось, и это крошечное любопытство удержало его здесь сильнее ещё одного громкого зова.

— Ре... — начал Рен и замолчал. Он прислушался к собственному слогу, недоверчиво, почти сердито. Аэлита не торопила его. Впервые с момента появления в амфитеатре он сам пытался продолжить начатое.

Она подошла на полшага ближе, не заходя за белую трещину в плите, и опустилась на одно колено, чтобы не нависать над ним.

— Я здесь, — сказала она. — Ты можешь не торопиться. Посмотри на меня. Тебя зовут Рен; я слышала, как тебя окликнули. Теперь попробуй сам.

Торн присоединился к кругу последним. Он произнёс имя коротко, почти на одном выдохе, и после этого слушал, не перебивая других.

Эсма удерживала ладонь на плече Рена; другой рукой она показала остальным, что голоса нужно приглушить.

Иллан остался у верхнего ряда. Несколько раз он открывал рот, собираясь вступить, но молчал: Рен почти не знал его голоса, а в общем круге каждое обращение имело свою историю. Аэлита не могла понять, что думает Иллан, и не пыталась угадывать. Она только заметила, как он отступил от края, освобождая место молодому хранителю, чьё имя Рен ещё недавно произносил в мастерской. Это было крошечное решение, но оно принадлежало самому Иллану.

Рен качнулся вперёд. Аэлита сразу подставила руку, но Эсма успела удержать его за локоть.

Хранительница обняла его за плечи, позволив опереться на себя всем весом.

— Попробуй ещё раз, — попросила она. — Своим голосом.

У Рена дрожала нижняя губа. Он смотрел на край плиты и считал, кажется, промежутки между чужими выдохами. На третьем поднял голову.

— Р... Рен...

Имя вышло с усилием, рвано, почти шёпотом. Но это был его собственный звук: он сам удивился ему и, уже увереннее, повторил первый слог.

Круг не ответил торжеством. Один голос затих, затем другой; женщина у верхнего уступа тихо попросила воды. Теперь важно было услышать, удержится ли имя у Рена без общей поддержки.

Аэлита всматривалась в его лицо. Рен ещё дышал слишком часто, у виска выступил пот, и глаза то и дело возвращались к белой трещине под ногами. Он не стал другим человеком за одну минуту. Но когда старший хранитель протянул ему воду, Рен сам взял чашу и тихо поблагодарил. Аэлита почувствовала, как ослабевает напряжение в её собственной руке: она всё ещё держала ладонь протянутой, готовая подхватить его.

Эсма осторожно отступила на шаг, продолжая поддерживать Рена за локоть.

Юноша сел прямо на плиту и долго смотрел на свои руки, будто проверяя, слушаются ли они его. Один из хранителей подал покрывало; Рен натянул его на плечи сам.

Старший хранитель остался с ним у плиты, негромко разговаривая о работе в мастерской. Аэлита поднялась; колено успело затечь на холодной соли. Иллан стоял у верхней ступени, где она оставила его перед обрядом. На рукаве его плаща белела свежая полоса от камня: пока она была внизу, он, должно быть, прислонился к стене. Больше никаких признаков пережитого она не нашла — и решила на этот раз не превращать отсутствие ответа в обвинение.

Эсма обернулась к Иллану, когда убедилась, что Рен может говорить с теми, кто его знает.

— Ты остался на месте, хотя мог бы заставить всех слушать только тебя, — сказала она. — Почему?

Иллан посмотрел на сидящего юношу. Тот разговаривал с товарищем, стараясь вспомнить, куда сегодня убрал резец.

— Они знали, кого зовут, — ответил он. — Я — нет.

Эсма кивнула, но не улыбнулась.

— Это и было главным?

— Если бы я назвал его громче остальных, он, вероятно, повернулся бы ко мне. Но к себе ему от этого было бы не ближе.

— Я не знал, что иногда нужно позволить другому голосу прозвучать первым, — добавил он, переведя взгляд на Аэлиту.

Аэлита опустила глаза на испачканные солью ладони. Хотелось ответить колкостью — он слишком поздно узнавал очевидные вещи, — но рядом сидел спасённый юноша. Ради него она оставила колкость при себе.

— Запомни Рена, — сказала Эсма. — Не только то, как мы его спасли, но и как он снова попросил воды собственным голосом.

Из верхнего прохода вернулись несколько работников. Один спросил, можно ли теперь унести приготовленные плиты, и Эсма ответила обычным деловым тоном. Мир не остановился ради их открытия.

Аэлита подошла к Иллану. Он не сделал шага навстречу, но и не отстранился. Она могла бы спросить, что он понял, и услышать ещё один аккуратный ответ. Вместо этого протянула ему ткань, которой вытирала соляную пыль с рук. На его пальцах тоже были белые следы.

Торн коротко прочистил горло, прежде чем заговорить.

— Слышу, что парень уже спорит, куда дел свой резец. Значит, хоть часть нашего труда сегодня была не напрасной.

Аэлита хотела рассмеяться, но голос не вышел. Она оглянулась на Рена: тот действительно недовольно объяснял товарищу, что резец не мог пропасть сам. Ей стало легче не от обе-

щания чуда с Илланом, а от простого разговора двух живых людей. Если Иллан когда-нибудь вернёт себе такую обыденность, ни один из них не сможет сделать это за него. Но рядом, когда он попробует, они будут.

Под чёрной плитой, прямо под местом, где сидел Рен, раздался сухой металлический отклик.

Тонкая белая трещина в камне засветилась на один удар сердца. Рен вздрогнул; хранитель накрыл его ладонь своей. Иллан резко повернулся к центру круга, и Аэлита увидела, как он вслушивается не в остаток литании, а ниже — туда, откуда возвращался непрощенный ответ.

Эсма спустилась к плите и осторожно коснулась края трещины кончиками пальцев.

— Нас слышали снизу, — сказала она. — Или только запомнили, где мы стоим.

— Кто там? — спросила Аэлита. — Тот, от кого мы только что вернули Рена?

Эсма не ответила сразу. Она смотрела на трещину, пока та не погасла, затем велела отвести Рена в жилой зал.

— Сначала убедимся, что он сохранил имя до конца цикла, — сказала она. — Внизу успеют подождать.

Иллан впервые не возразил ей.

Хранители убрали сосуды и накрыли плиту плотной тканью. Рена повели под руки: на ступенях он оглянулся, узнал Эсму и назвал её прежде, чем та успела обратиться к нему. Аэлита заметила, как при этом один из старших с облегчением прижал ладонь к груди.

— Сегодняшний урок вышел не таким, какой назначила Мать Корня, — сказала Эсма, вернувшись к Братству, когда амфитеатр опустел. — Но вы слышали главное: живой голос возвращают не силой. Мы доложим ей о Рене. До следующего глубинного рассвета оставайтесь здесь; после него она решит, пропустить ли вас дальше.

Торн тяжело присел на нижний уступ. Подол плаща оставил на соли тёмный след, а губы обветрились до трещин. Он ощупал колени, прежде чем выпрямить усталые ноги.

Аэлита придвинулась, но не стала хватать его за плечо. Просто поставила рядом кувшин воды и подала край покрывала.

— Поставь ближе к правой руке, — попросил Торн. — Левой сегодня лучше не доверять.

Она переставила кувшин. Старец нащупал горлышко и сделал несколько глотков, а Аэлита помогла ему закрутить крышку. От его усталости ей стало тревожнее, чем от неожиданного отклика под плитой, но она не сказала об этом вслух.

Иллан стоял у бокового прохода, пока остальные уходили. Он смотрел на камень там, где только что погасла белая линия.

Аэлита подошла к нему, не нарушая молчания. Он сперва даже не заметил её, потом отступил в сторону, чтобы не загораживать проход носильщику. В этом простом движении было больше сегодняшнего урока, чем в любой фразе, которую она могла от него потребовать.

Эсма проследила за его взглядом.

— Ты слышал, куда ушёл отклик? — спросила Эсма.

Иллан прислушался к гулу из подземных ходов, проверяя направление.

— Под восточным уступом. Там несколько пустот, связанных каменными жилами.

Эсма запомнила направление, провела пальцем по ближайшему шву и только тогда спросила:

— Почему не пошёл проверять?

— Рен ещё не пришёл в себя. Если бы я открыл новый проход, его могли бы снова позвать снизу.

Хранительница долго смотрела на него. Аэлита ждала привычного упрёка и с удивлением увидела, что Эсма убрала руку от шва.

— Тогда ты слышал нас верно, — сказала она. — Мать Корня должна об этом знать.

Иллан кивнул и отошёл к Торну. Аэлита заметила, что он не взглянул больше на нижнюю трещину: теперь он спросил старца, не тяжело ли ему идти самому.

Остаток глубинного цикла они провели в западной галерее. Хранители приходили проверить Торна и принести воды; от Эсмы узнали, что Рен удерживает своё имя и смог заснуть. Аэлита то дремала, то просыпалась, вслушиваясь в медленный гул под стеной. Под конец отдыха пришла сама Эсма: Мать Корня получила её рассказ и разрешила им идти на ближайшей глубинной заре. В качестве проводника хранительница обещала довести их до последней монастырской арки.

Торн поднялся без чужой руки, хотя на первой ступени задержался. Аэлита не стала торопить его; просто шла справа, там, где резкий изгиб стены не давал посоху свободно развернуться. Иллан замыкал шествие и иногда предупреждал о крошившемся камне.

У низкого прохода Эсма остановилась. Оттуда тянуло жаром Чертогов и сухой пылью. За порогом уже не было ни резных стен, ни светильников, за которыми кто-то следит каждую ночь.

— Перед тем как вы уйдёте, я должна кое-что передать, — сказала она Иллану.

Она вынула из внутреннего кармана маленькую тёмную пластину, завернутую в ткань.

Камень был дымчатый, плотный, с тонкой бороздой по краю. В центре сохранилось начало надписи — несколько черт, которые могли бы стать именем, если бы кто-то знал, как его закончить. На обратной стороне виднелись следы наждачного камня: пластину шлифовали недавно, но остановились прежде последней строки.

Эсма развернула ткань так, чтобы он увидел надпись, и не стала сразу вкладывать камень в чужую ладонь.

— Это от Матери Корня. Она просила спросить, возьмёшь ли ты его.

Иллан посмотрел на незаконченную строку. Затем протянул руку.

— Кто начал резьбу?

— Мать Корня, после вашего разговора, — ответила Эсма. — Она не стала писать дальше того, что успела узнать о тебе. Остальное никто здесь не имеет права додумывать.

Аэлита остановилась рядом. На камне были всего несколько черт, но она запомнила, как Иллан читал чужое имя, не решившись приписать ему знакомый смысл.

Иллан взял пластину осторожно, двумя пальцами за края, чтобы не затереть свежую борозду.

Камень не вспыхнул и не заговорил. Он лишь чуть потянул ладонь вниз своим весом. Иллан перевернул его, прочёл неровную заднюю кромку и задержал палец на незаконченной черте, словно прежде всего хотел понять, почему рука резчика остановилась.

— Здесь действительно нет конца.

— Ему и не полагается быть, пока ты живёшь, — сказала Эсма. — Но тебе привыкли предлагать окончательные имена. А их теперь будет больше, чем прежде.

Торн протянул свободную руку, и Эсма позволила ему коснуться борозды на камне.

— Штрихи ещё свежие, — заметил он. — Удивительное доверие — оставить место для чужого продолжения.

Эсма задержала пальцы возле его ладони, пока старец вновь не нашёл посох.

— Мы иначе не умеем, — сказала она. — Если закончить имя вместо человека, останется лишь наша версия его жизни.

Аэлита смотрела на Иллана, но спрашивать его о будущем не хотела. Вчера она потребовала бы немедленного обещания не отдавать себя глубине. Сейчас ей хватало того, что он сам вернул камень в ладонь после того, как мог отказаться.

Пластинка была теплее окружающего камня, но не сияла. Иллан приложил её к шву плаща, потом спрятал во внутренний карман так, чтобы на ходу она не билась о застёжку.

Аэлита запомнила движение: именно так бережно он когда-то складывал хрупкие страницы старых книг.

Он на мгновение придержал край кармана ладонью.

— Почему она решила помочь мне?

— Потому что вчера ты не стал изображать знание, которого у тебя нет. А сегодня удержался от силы, когда можно было обойтись чужой помощью, — ответила Эсма. — Для неё этого достаточно, чтобы оставить тебе место на пути.

Она осторожно заправила свободный конец ткани за пояс и добавила уже тише:

— Когда внизу тебя станут звать безошибочным, вспомни, как долго Рен искал собственный голос. И вспомни тех, кто звал тебя без приказа: Лиру, отца, людей, которых ты не успел спасти. Полное имя нельзя получить ценой забвения этих голосов.

Иллан не ответил сразу. Он поправил край плаща над карманом, чтобы пластина лежала ближе к телу.

Аэлита слышала позади осторожный стук посоха: Торн проверял, выдержит ли наконец ступень. Она отошла, уступая ему удобное место, и вдруг поняла, что Мать Корня не дала Иллану защиты от глубины. Она дала ему вещь, которая напечалит об обязанности отвечать самому — и о людях, не согласных делать это вместо него.

Эсма отступила к арке. На другой стороне уже темнела уходящая вниз дорога.

— Теперь идите.

— А если он забудет, зачем носит её? — спросила Аэлита. — Мне тогда напомнить ему?

— Напомни о людях, — ответила Эсма. — Камень только поможет начать разговор.

Аэлита кивнула. У этих слов не было мистического блеска, но она смогла представить, как выполнит их, если придётся.

До внешнего уступа они дошли вместе с Эсмой. Там было достаточно места для четверых, и каждый на несколько мгновений остановился у каменного борта.

Под уступом разверзались следующие Чертоги. Мосты висели над чёрными промежутками, где порой проскальзывал один бело-золотой отсвет. Гул доносился теперь с двух сторон: из знакомых нижних жил и откуда-то дальше, где камень ещё ни разу не отозвался человеческому голосу. Аэлита почувствовала влажный след соляного воздуха на губах и ветер с новой дороги.

Эсма вручила Торну короткий шнур, пропитанный соляным раствором. Старец нащупал трещину на посохе, обмотал её несколько раз и затянул узел зубами. Аэлита придержала древко, пока он работал: от жары дерево усохло и обмотка могла соскользнуть.

Торн проверил крепость узла и с удовлетворением постучал концом посоха о камень.

— Продержится. Значит, и мы попробуем.

Аэлита невольно улыбнулась. Он не обещал ни победы, ни возвращения, зато уже успел заставить их всех прислушаться к ровному стуку починенного посоха. После тяжёлой ночи этот звук казался ей удивительно надёжным.

Она взглянула на Иллана и заметила, что тот тоже слушал посох. Когда Торн закончил проверку, Иллан протянул руку и забрал у него пустую катушку от шнура.

Тёмная пластина уже лежала у него под плащом. Внешне ничего не изменилось: те же мосты, сухой жар и тяжёлый путь. Но Аэлита знала, что теперь он несёт с собой чужую незаконченную работу — знак, в котором никто не посмел дописать за него последнюю черту.

Он нащупал камень через ткань, убедился, что тот на месте, и отпустил край плаща.

Аэлита не стала искать на его лице подтверждения своих надежд. Он сам проверил, сохранил ли дар; этого для одного утра было достаточно.

Они остановились у арки до смены глубинного света. Эсма обещала проводить их через порог, когда на соляных стенах проступит первая светлая полоса нового цикла. Аэлита присела на край уступа и поправила ремень меча: впереди его тяжесть снова будет иметь значение.

Иллан держался рядом, не опережая остальных. Аэлита знала только одно: полное имя ему не дали — и правильно сделали. Пока в строке оставалось место, он ещё мог однажды вписать в неё собственный ответ.

ГЛА

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.